

МАРА РЕЗЕРФОРД

18+

ЯДОВИТЫЙ
СЕЗОН

Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези

Мара Резерфорд
Ядовитый сезон

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Резерфорд М.

Ядовитый сезон / М. Резерфорд — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези)

ISBN 978-5-04-188898-5

Леэло прожила всю жизнь на небольшом изолированном острове, окруженном с одной стороны ядовитым озером, а с другой – кроважатым Лесом, в котором умирает все живое, тем самым защищая обитателей от чужаков. Но как бы Леэло ни любила свой народ, ей тяжело смириться с мыслью, что младшего брата ждет изгнание. Однако, если в нем зародится магия, жизненно важная для острова, ему удастся избежать этой участи. Однажды Леэло спасает молодого человека, который чуть было не утонул в озере. В тот день она сделала выбор, который разлучил ее с семьей. Эта встреча могла привести к непоправимым последствиям как для Леэло, так и для чужака Ярена. Но когда притяжение между ними нарастает, девушка понимает, что самая страшная опасность таится не в озере. Теперь, чтобы выжить, Леэло придется подвергнуть сомнению магию, обитателей острова и даже саму себя.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-188898-5

© Резерфорд М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	29
Глава восьмая	33
Глава девятая	35
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	41
Глава двенадцатая	46
Глава тринадцатая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мара Резерфорд

Ядовитый сезон

Mara Rutherford

THE POISON SEASON

© 2022 by Mara Rutherford

Translation copyright © 2023 by Viktoria Minchenkova

All rights reserved, including the right of reproduction in whole, or in part in any form.

This edition is published by arrangement with Harlequin Enterprises ULC.

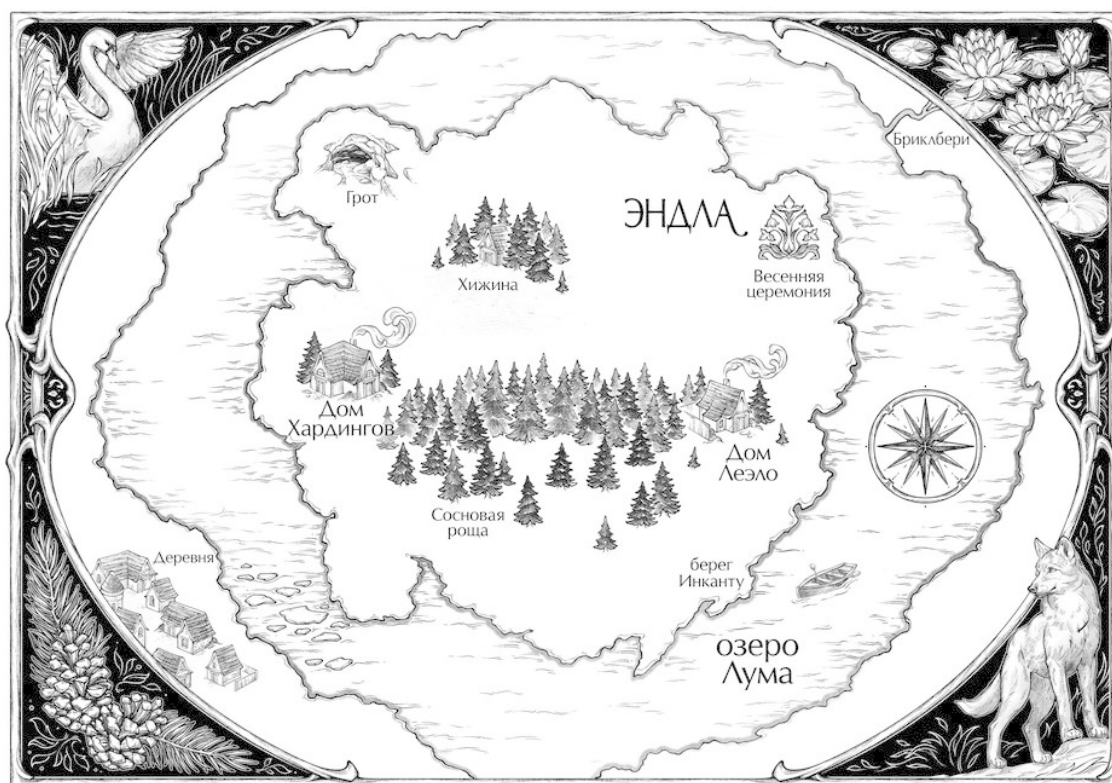
This is a work of fiction.

Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination, or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events, or locales are entirely coincidental.

© Минченкова В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Волк не думал о голоде, он успел перекусить косулей, пока гнался за добычей по темному Лесу. Его подстегивала цель, которая появилась в конце прошлой зимы, когда он осторожно пробирался по льду к лесистому острову, казавшемуся таким тихим и мирным.

Волк был чужаком в этих местах, он родился в горах неподалеку. Вожак выгнал волка из стаи, сразу разглядев в нем соперника. Но волк этого не знал, он впервые в жизни остался совсем один. Одиноким, голодным и лишенный всего...

Других волков поблизости не было. Он искал их повсюду, но Лес оказался негостеприимным местом для волков, да и вообще для любых хищников. Добычи хватало, но сам Лес был странным и словно предупреждал, что хищникам здесь не рады. Но волк устал, был голоден и поглощен поисками. Сам того не замечая, он оказался на острове, прошел мимо спящих домов ничего не подозревающих жителей, из которых получился бы хороший обед. Но Лес сказал: «Нет, они не для тебя». И вот он уже в сосновой роще в центре острова.

Волк долго обнюхивал деревья, чувствуя запах старой крови, ощущал новую поросль глубоко внизу под лесной подстилкой. Корни деревьев были живыми, даже если остальная часть острова спала. Они напились во время церемонии незадолго до первого снегопада. Впервые за много месяцев волк, почувствовав покой и безопасность, улегся между корнями и погрузился в долгий сон без сновидений.

Проснувшись на следующее утро, волк чувствовал себя по-другому. Он больше не был голодным, уставшим и одиноким. Словно сам Лес питал его ночью, а теперь прощался, велел

убраться с острова, пока озеро не растаяло и волк не оказался в ловушке. Взамен Лес просил только одного – чтобы волк тоже подпитывал его. И теперь волк был готов отдать долг.

Едва увидев остров, волк издал протяжный скорбный вой и погнал добычу вперед.

Глава первая

Стражи стояли на берегу, вглядываясь в густой туман, который в это время года висел низко над водой. Зима только начинала отступать. Голоса чужаков по ту сторону озера звучали так же глухо и заунывно, как крик гагары.

Звуки причудливо искажались на воде.

– Чем, по-твоему, они занимаются? – прошептала Сейдж на ухо Леэло, отчего у той по спине пробежал холодок.

Леэло покачала головой. Сквозь туман ничего нельзя было разглядеть. Их назначили Стражами всего несколько недель назад, и до сих пор они не сталкивались с жителями деревни у себя на острове. Они не должны приходить сюда. Но зимой у них появлялась возможность.

Леэло вытянулась и посмотрела на несколько оставшихся льдин, разбросанных, словно отражения облаков, на зеркальной поверхности воды. Озеро было слишком глубоким, чтобы замерзнуть, и у редкого глупца хватило бы смелости попытаться переплыть его. Туши молодых перелетных птиц время от времени служили напоминанием о магии озера. Кости выбрасывало на берег, а перья и плоть разъедал яд настолько сильный, что мог бы потопить деревянную лодку задолго до того, как та достигнет берега.

– Может, нам повезет в этом году, – пробормотала Леэло, обращаясь больше к себе, чем к Сейдж. – Может, никто и не придет.

Сейдж фыркнула.

– Они *всегда* приходят, сестра. – Она потянула Леэло за косу и встала. – Идем. Наша смена закончилась, а они никуда не денутся. Давай найдем Изолу.

Сейдж и Леэло нечасто виделись с подругой этой зимой. Изола, которая была на год старше, уже заканчивала свой обязательный год в качестве Стража. Теперь, когда Леэло сама заступила на пост, не стала бы винить подругу, даже если бы та просто пролежала целый месяц. Работа Стража была одновременно скучной и изнуряющей.

Леэло последовала за Сейдж в Лес, ее сапоги на овчине тут же увязли в грязи и опавших листьях, лежащих под тающим снегом. Она ненавидела это время года. Все вокруг было грязным и унылым, даже их одежда. Прекрасные яркие платья, которые сшила мама, будут лежать в шкафу до самого фестиваля весны.

Сейдж остановилась, чтобы сорвать с куста ветку красных ягод остролиста, нашептывая благодарственную молитву деревьям, так щедро покрывающим Эндлу. Став Стражами, они должны были защищать дом от безжалостных чужаков, которые уничтожили все Леса, кроме этого, последнего из Блуждающих Лесов.

– Нужно закончить короны. А ты еще не выбрала мотив, – сказала Сейдж.

Леэло вздохнула:

– Еще есть время.

Она всегда любила праздник весны, но сейчас цеплялась за дни, словно дитя за юбку матери. Как только наступит весна, ее маленький брат Тейт покинет их, если только каким-то чудом его магия не проявится раньше. Каждый раз, когда думала о Тейте среди чужаков, к глазам подступали слезы. Ведь если не она, то кто тогда позаботится о нем там?

Они свернули с главной тропы и направились к домику Изолы. Сейдж резво постучала в дверь. Прошла почти минута, прежде чем та приоткрылась сантиметров на десять, и в проеме возникло опухшее от сна лицо подруги с торчащими во все стороны волосами.

– В чем дело? – прохрипела она, давая понять, что это были ее первые слова за утро.

– Прости. – Леэло склонила голову, отступая. – Мы не заметили, что еще так рано.

– Вовсе и не рано, – сказала Сейдж. – Просто кто-то ленивый.

Сейдж никогда не славилась хорошими манерами. Леэло толкнула сестру локтем.

Изола моргнула пару раз, пытаясь проснуться.

– Я плохо спала, вот и все. А вы почему здесь, а не на посту?

Сейдж пожала плечами:

– Наша смена закончилась. К тому же ничего не происходит.

Лицо Изолы стало мрачным.

– Никогда ничего не происходит, пока это не произойдет.

Ее слова прозвучали настолько странно, что Леэло задумалась, не случилось ли чего-то во время дежурства Изолы, о чем они с Сейдж не знали. Вполне возможно, что чужаки попытались пересечь озеро без ведома жителей острова. Но о любом успешном вторжении тут же стало бы известно. Схватив чужаков, Стражи всегда предлагали выбор: Лес или озеро. Но при любом раскладе о чужаках больше никто не слышал.

Прежде чем Леэло успела спросить, что Изола имела в виду, из глубины дома раздался голос:

– Извините, это отец. Я должна идти.

Сейдж закатила глаза и повернулась к роще, даже не удосужившись попрощаться. Изола пожала плечами, извиняясь перед Леэло, и та улыбнулась. В течение семнадцати лет вся тяжесть вспыльчивости Сейдж ложилась на плечи Леэло.

У каждой розы есть шипы, напоминала их мать каждый раз, когда Сейдж говорила или делала что-то плохое. Сестра была вспыльчивой, но в то же время сильной, умной и неистово преданной. Леэло знала, что, если она попадет в беду, Сейдж придет на помощь, не задавая вопросов.

Они почти подошли к своему дому, когда движение в кустах привлекло ее внимание. Среди ветвей мелькнули темные волосы и бледная кожа. Леэло остановилась, ей в голову пришла идея.

– Ты права, нужно поработать над короной. Возьмешь мой лук и скажешь маме, что я скоро буду дома?

Сейдж с мамой переехали к ним, когда их отцы погибли в результате несчастного случая на охоте. Тейт был тогда совсем малышом. На Эндле не было ничего необычного в том, чтобы несколько поколений семьи жили вместе, но было редкостью, чтобы две сестры одновременно овдовели так рано.

К счастью, мама Леэло – Фиона и ее тетя Китти были находчивы. Китти взяла на себя заботу о небольшом семейном стаде овец, из шерсти которых мама Леэло ткала одежду. Эндланцы обменивались вещами и продуктами питания, поэтому было важно обладать навыком, которым мало кто мог похвастаться. Они не одни держали овец, но на всем острове Фиона делала лучшие изделия из шерсти. Вместе сестры могли обеспечить семью, но зимы всегда были скучными.

– Могу помочь, – предложила Сейдж, но Леэло покачала головой.

– Нет, не нужно. Тетя Китти ждет тебя. Я не задержусь.

– Ну как хочешь. – Сейдж взяла оба лука и вошла в дом. Когда дверь за ней закрылась, маленькая цепочка колокольчиков, висевшая на дверном косяке, звякнула.

Прошло еще несколько минут, прежде чем Тейт осмелился выйти из укрытия, боясь, что строгая тетя поймает его на уклонении от домашней работы.

Он так сильно вырос за последний год, что Леэло едва узнавала в нем мальчишку с волосами цвета воронова крыла, которого она помогала растить. Брат был так красив, что его часто принимали за девочку. Проблема решилась, когда он научился ходить и люди увидели его в штанишках, а не в юбке.

Когда малыш родился, Китти говорила, что он *уродлив как батат*. Она повторяла это так часто, что имя «Тейт» прижилось. Но иногда, когда Фиона укачивала сына среди ночи, Леэло слышала, как она звала его Илу, что означало «драгоценный», а ее взгляд становился непривычно отстраненным.

– Идем, – позвала Леэло, жестом подзывая брата поближе. – Поможешь мне с короной для фестиваля.

Он улыбнулся, радуясь возможности хоть как-то поучаствовать в празднике. Островитян, подобных Тейту, называли инканту, что означало, что они безголосые. Их не пускали на фестиваль. Младший брат был еще слишком юн, чтобы поддаваться влиянию магии. Леэло понимала ограничения, но все равно ненавидела эти правила. Инканту и так чувствовали себя изгоями.

Какое-то время они шли молча, пока тропинка не утонула в зарослях. Им пришлось прокладывать собственную.

– Что мне выбрать для короны? – спросила она у Тейта. По традиции молодые юноши и девушки украшали голову короной, восхваляя природу Эндлы и тем самым символизируя, что все жители являются важной частью экосистемы. Сейдж остановилась на олене. И как догадывалась Леэло, в основном для того, чтобы надеть что-нибудь колкое.

Тейт покусывал нижнюю губу, стремясь подобрать верный ответ.

– Как насчет лисы?

– Хм... Слишком хитра для меня.

– Белка? – Он уставился под ноги.

Леэло широко улыбнулась и наморщила нос:

– Я думала о ком-то менее усатом.

Они подошли близко к озеру, но здесь, где противоположный берег был едва виден, им не угрожала встреча с чужаками.

– Лебедь! – внезапно воскликнул Тейт.

– Итак, где бы мне взять... – Голос Леэло затих, когда она увидела молодого лебедя, барахтающегося на мелководье. Убедившись, что они одни, Леэло взяла грязную палку и поспешила к воде.

– Осторожно! – воскликнул Тейт, отступая назад. С малых лет их учили никогда не приближаться к воде, но в это время года действие яда ослабевало. Леэло подозревала, это было как-то связано с тающим льдом, хотя она не была уверена. Но девушка знала наверняка, что лебедь умрет, если она ему не поможет.

– Глупышка, – сказала Леэло, пытаясь дотянуться до птицы палкой. Лебедь перестал бороться, его сердце и легкие, скорее всего, уже были повреждены. Наконец ей удалось подтолкнуть птицу достаточно близко, чтобы дотянуться до нее.

Обернув руку плащом, она схватила лебедя за длинную изящную шею. Тот так ослаб, что даже не сопротивлялся.

– Он умер? – спросил Тейт, выглядывая из-за плеча.

– Пока нет, но, боюсь, его уже невозможно спасти. – Леэло смахивала грязь, обнажая белоснежные перья. Лебедь был так прекрасен, что ее глаза наполнились слезами. – Бедняжка. Он не заслужил такой смерти.

Каждый год молодые птицы совершали одну и ту же ошибку, приземлялись на девственно-чистую поверхность горного озера, не зная, что в его водах не плавает рыба и не растут водоросли. За день от них оставались лишь голые кости. А спустя время и они растворялись. Поэтому Леэло еще никогда не видела живую птицу в воде.

Чувствовать, как чья-то жизнь угасает в ее руках, оказалось куда хуже охоты, потому как эта смерть была бессмысленна. Они даже не могут съесть мясо птицы, ведь оно уже пропитано ядом.

Спустя несколько минут Тейт аккуратно положил руку на плечо сестры.

– Он больше не страдает, Ло.

Она шмыгнула носом и вытерла щеку плечом.

– Знаю.

– Может, ты бы смогла отмыть перья и использовать их для короны? Тогда частичка лебедя так или иначе продолжит жить.

Леэло повернулась и посмотрела в карие глаза брата, ее сердце разрывалось от нежности. Она обняла Тейта.

– Прекрасная идея, – прошептала Леэло, уткнувшись в его мягкие волосы. – Поможешь мне?

Он кивнул.

– Конечно.

Вместе они ополоснули безжизненного лебедя свежей водой из бурдюка, затем обернули плащом и направились к дому. По пути Тейт захватил несколько прутьев из подстилки Леса, достаточно гибких, чтобы согнуться в корону. Леэло указала на ярко-синие ягоды, которые стали бы идеальным украшением. Тейт сорвал полдюжины, прошептал молитву и спрятал их в карман.

Когда они почти подошли к дому, Тейт остановился, чтобы завязать шнурок, и замахал Леэло, чтобы она присела рядом.

– В чем дело? – спросила она.

Он говорил тихо, хотя они все еще были одни.

– Тетя Китти смотрит из окна. – Леэло понимала все достаточно хорошо, чтобы не поднимать глаза. – Она меня ненавидит.

– Вовсе нет, – убеждала она его. – Просто это Китти.

Он нахмурился:

– Она будет спрашивать, чем мы занимались.

– Я скажу, что попросила тебя о помощи. Не волнуйся, младший братец.

– Мне страшно.

Леэло знала, что сейчас он говорил вовсе не о тете. Она протянула руку и легонько коснулась его уже не такой пухлой щеки.

– Если тебя это утешит, то мне тоже.

Они грустно улыбнулись друг другу, прежде чем выпрямиться.

– Я вымою и ошипаю лебедя, – предложил Тейт. – Тебе нужно закончить дела по дому.

– Будь осторожен. Надень перчатки.

Он вздернул подбородок, беря завернутую птицу из ее рук.

– Мы будем присматривать друг за другом, правда ведь?

Сердце Леэло сжалось от любви и вины за ложь, которую она собиралась произнести.

– Всегда.

Позже ночью, когда все в доме уже спали, Леэло выскользнула наружу, прихватив по пути кухонный нож. Направляемая только лунным светом и чувством цели, она шла к центру острова в самое сердце Блуждающего Леса.

Деревья здесь были особенные. Каждое принадлежало одному из родов Эндлы и служило своего рода святым покровителем, которому семья молилась и оставляла подношения. Но зимой жители избегали этого места, потому как во время подношений нужно было петь, а эндланцы не пели зимой. Только так можно было гарантировать, что чужаки случайно не переберутся по льду. В конце концов, одно дело, когда Страж останавливает чужака, намеревающегося напасть на Лес или его обитателей, и совсем другое – случайно заманить невинного человека.

В эту ночь Леэло была готова нарушить закон. Молитвы не сработали, что означало лишь одно – Лес жаждал крови. И хотя она не убила бы животное – смертельная песня, которая вводила жертву в состояние транса, была слишком мощной, чтобы исполнять ее самостоятельно, небольшого кровавого жертвоприношения могло хватить, чтобы разбудить дремлющую магию Тейта.

Леэло склонилась под деревом своей семьи, высокой величественной сосной, которая, по словам тети Китти, была древней, как и сам Блуждающий Лес. Девушка чувствовала, как песня рвется из груди, пытаясь высвободиться после месяцев тишины.

Как только лезвие рассекло кожу, слова песни полились из нее вместе с кровью, и она была почти уверена, что слышит вздохи деревьев. Хотя, скорее всего, это был просто ветер. И то, как быстро кровь впиталась в землю, словно корни выпили ее, скорее всего, было игрой лунного света.

Где-то по ту сторону воды ничего не подозревающий молодой путешественник ворочался во сне. Он не знал, что озеро, на берегу которого он спал, было полно яда и что Лес на острове пробуждался после долгой, голодной зимы...

Ему следовало переночевать сегодня в другом месте.

Глава вторая

– Где ты был? – потребовал ответа Степан, закрывая за Яреном дверь. Он бегло окинул сына взглядом, удостоверяясь, что тот не ранен, и облегченно вздохнул. – Мы думали, духи леса забрали тебя.

Ярен бросил застенчивый взгляд на отца, пока шел к умывальнику.

– Хотел бы я винить в своем опоздании духов или блуждающие огоньки, отец. Но... – прежде чем он смог продолжить, семья хором закончила за него:

– Ты потерялся.

Ярен кивнул.

– Потерялся. – Прежде он никогда не ночевал в этих лесах. Юноша был благодарен, что на рассвете смог найти дорогу домой.

– Ну разумеется, – улыбнулась его старшая сестра Саммер. Она строгала, сидя у огня. Саммер была самой ласковой из трех сестер, она словно вся лучилась теплом. – Снова грезил во сне, я права?

– Голова в облаках, ноги в грязи, – пропела средняя сестра, поглядывая на его грязные ботинки. Будучи двойняшками, Стори и Ярен были наиболее близки, хотя Стори родилась первой и любила задира́ть нос, напоминая про эти одиннадцать минут.

Самая младшая из сестер, София, в свои пятнадцать лет все еще была ребенком в семье. Они прозвали ее Головастиком, потому что с тех пор, как она научилась двигаться, София постоянно вертелась как головастик. А еще потому, что она притворялась, будто ненавидит это прозвище. Сейчас она сидела на диване, заплетая свои длинные рыжие волосы.

– Ты не нашел для меня ни одного первоцвета? Я так устала от всего этого. – Она неопределенно махнула на дверь.

– Ты могла бы поискать цветы сама, – заметила Саммер.

– Цветов нет. – Ярен поднял корзину. – Но зато я нашел немного дикого лука.

Головастик надулась, скрестив руки на груди.

– Ненавижу лук.

Стори слегка дернула сестру за косу, давая понять, что та ведет себя грубо.

– Научись готовить себе еду сама. Пора бы тебе делать хоть что-то полезное по дому.

Отец постучал деревянной ложкой по котелку, призывая детей к спокойствию. С тех пор как их мама умерла, он храбро взялся за приготовление пищи, и все они с удивлением обнаружили, что папа готовит гораздо лучше своей покойной жены. Однако никто из них не говорил об этом вслух. Степан не хотел, чтобы кто-нибудь оскорблял кулинарные способности его дорогой Сильвии, и не важно, насколько несъедобной получалась стряпня.

– Оставь ее, – сказал он через плечо. – Она устала.

– От чего же? – спросила Стори, скептически распахнув свои карие глаза. – От сидения?

Ярен оставил сестер препираться в гостиной и поднялся к себе на чердак, чтобы переодеться. Сестры делили одну спальню на всех, а отец спал на тюфяке перед камином. Девушки постоянно ссорились, но все же иногда Ярен завидовал их близости. Юноша знал, что его не допускают до большинства их интимных бесед не потому, что они его не любили, а потому, что он парень. И все же он чувствовал себя отстраненным.

Он все еще не мог поверить, что проглядел одну из отметок на тропе и прошел в неверном направлении несколько километров. К тому времени, как он осознал ошибку, уже стемнело. В отличие от отца он не верил в басни и народные сказки, но был не настолько глуп, чтобы пытаться ориентироваться в темноте на каменистой тропе. С его удачей он скорее подвернул бы лодыжку и застрял бы навеки.

– Спускайся к столу! – крикнула Стори. – Суп остывает.

Ярен натянул чистую кофту и спустился вниз. Он пробормотал извинения, но остальные члены семьи уже макали свой хлеб в суп.

– Расскажи нам, – попросил Степан. Теперь, когда сын был дома, беспокойство сменилось любопытством. – Видел ли ты что-нибудь интересное на пути? Должно быть, ты далеко забрел.

– Я наткнулся на красивое озеро, – ответил Ярен. – К тому времени, как я устроился на ночлег, уже совсем стемнело. Утром я поразился чистоте его вод. Никогда прежде не видел такого оттенка синего.

Степан поднял голову от миски, смерив Ярена суровым взглядом.

– Как называется?

Ярен покачал головой и отправил в рот обжигающий кусочек картофеля.

– Не имею понятия. Таблички не было.

– А ближайший город?

– Я же потерялся, отец. Я даже не уверен, что все еще был в нашем королевстве.

Лицо Стефана окаменело.

– Ты ведь не пил из озера, правда?

Ярен помотал головой.

– Нет, я наполнил мех в ручье. А что? Ты что-то о нем знаешь?

Степан посмотрел на дочерей:

– Клаус рассказывал мне, что в этих местах есть озеро первозданной красоты, но оно ядовитое.

Ярен рассмеялся, но двойняшка коснулась его руки:

– Я тоже об этом слышала. От горожан.

Ярен был уверен, что это просто еще одно из местных суеверий. Они переехали в маленькую деревушку Бриклбери чуть больше месяца назад. После смерти мамы, Клаус, старый друг отца, пригласил снять его домик по хорошей цене. Ярен понимал, что в их старом доме отца постоянно будут преследовать воспоминания о матери, а Бриклбери был симпатичным поселением. Но Ярен никогда прежде не встречал таких доверчивых, любящих посудачить людей.

Учитывая, что его разум всегда блуждал в причудливых направлениях, сам Ярен, возможно, был склонен верить в небылицы. Но истории, рождающиеся в его голове, пока он бродил, не были сказками. Это были события, которые только могли случиться или уже происходили в прошлом, разговоры, в которых он хотел участвовать. Возможно, он чувствовал себя потерянным только потому, что рос в компании трех упрямых девиц, которые точно знали, чего хотят. А Ярен в свои восемнадцать не имел понятия, куда идти по жизни.

Его так и тянуло высказать отцу свое мнение о «волшебном озере». Но он знал, что если не признает страхи отца – скорее всего, в следующий раз тот отправит на сбор сестер. А рубить дрова и охотиться Ярен ненавидел.

– Больше я туда не пойду, – сказал он, не лукавя. Не было смысла уходить так далеко, к тому же он ужасно спал прошлой ночью. – Не стоит волноваться, отец. Кроме белки я никого не видел. В этом году поздняя весна.

– Она всегда поздно наступает так высоко в горах, – пояснила Саммер с видом человека, знающего что-то неведомое остальным.

София сунула в рот кусок хлеба.

– Кто сказал?

– Не болтай с набитым ртом, Головастик, – отчитала Стори, пихнув сестру локтем.

Саммер отвела взгляд.

– Услышала от кого-то на рынке.

– Это ведь плотник, я права? – Стори широко улыбнулась, ее глаза блестели в свете камина. – Так и *знала*, что он тебе нравится!

Пока сестры поддразнивали друг друга, а отец пытался их успокоить, разум Ярена наполнился странной, скорбной песней, которую он не мог вспомнить. У него не было никаких музыкальных способностей, поэтому маловероятно, что он придумал песню сам. А мама хоть и любила петь, не выбрала бы что-то настолько печальное.

– Э-эй, – позвала Стори, помахав рукой у него перед носом. – Куда ты пропал?

Он осознал, что забылся и даже не донес ложку до рта.

– Прости.

– Ты явно очень устал, – сказал отец. – Отдохни. Сегодня мы с девочками возьмем на себя твою часть работы.

Ярен кивнул и пробормотал извинения. И хотя юноша чувствовал усталость каждой клеточкой своего тела – он лежал без сна несколько часов, пытаясь воспроизвести в памяти странную мелодию.

Глава третья

Несколько дней спустя Сейдж и Леэло снова отправились к Изоле. Ее мать, Розалия, пожаловалась Фионе и Китти, что дочь ведет себя странно всю зиму, постоянно ходит уставшая и угрюмая без веской причины.

– Может, она болеет, – предположила Сейдж, пока они шли к дому Изолы. – Она выглядела действительно ужасно во время нашей последней встречи.

– Или, может, работа Стража оказалась для нее слишком тяжелой. Зимние обязанности изнуряют.

Однажды Леэло спросила у мамы, почему год работы Стражем начинается не весной или летом, чтобы у них было больше времени на обучение, пока не замерзнет озеро.

«Потому что зима долгая и тяжела даже для опытных Стражей, – пояснила мать. – Проработать всю зиму – слишком большая нагрузка, поэтому сезон разделили, чтобы было легче». Все, вне зависимости от возраста и физических способностей, должны были отработать эту повинность и охранять остров.

Леэло до сих пор не могла прийти в себя после ночи в лесу, вынужденная весь следующий день патрулировать берег.

Сейдж собиралась ответить, когда из дома Изолы донесся шум.

– Не хочу, чтобы он уходил! – кричала девушка. – Ты не заставишь его!

От пронзительного отчаяния в голосе подруги у Леэло побежали мурашки по коже.

– Нам лучше уйти, – прошептала она, поворачивая назад.

Но Сейдж замотала головой и потащила ее за собой.

– И пропустить такое? Ни за что!

– Сейдж, – зашипела Леэло, но они уже скорчились под деревом, прислушиваясь.

В следующее мгновение дверь с размаху распахнулась.

Мать Изолы выталкивала за порог полуодетого молодого человека и била его по голове деревянной ложкой.

– Дурак! – вопила Розалия. – Лед растаял. Скажи мне, стоило ли оно того, когда озеро заберет тебя!

Пытаясь защищаться, юноша поднял руки над головой, отчего мышцы торса напряглись и заиграли. Леэло и Сейдж разинув рты смотрели, как Изола выбежала из дома вслед за матерью, одетая в одну сорочку.

– Пожалуйста, мама! – взмолилась она, но юноша уже натягивал кофту через голову и бежал через лес к озеру.

Розалия ухватила за рукав дочери.

– Прекрати эти глупости, Изола! Ты знаешь, он не может остаться. О чем ты думала?

Но Изола вырвалась и бросилась за ним, увязая босыми ногами в грязи.

– Питер! Вернись!

Питер. Теперь Леэло узнала его, хотя, когда они виделись в последний раз, он был немногим старше Тейта. Отец Питера был художником, а мать иногда покупала у Китти шерсть для теплых войлочных сапог. Но, кроме этого, Леэло ничего не могла вспомнить о парне. Кажется, что он был инканту? Что он делал на Эндле?

– Идем, – позвала Сейдж, утаскивая Леэло за собой.

Розалия следовала за дочерью быстрыми шагами, не переходя на бег. Она знала, что Питер далеко не убежит.

– Приведите вашу семью, – крикнула она сестрам через плечо. – Будет утопление.

Леэло вздохнула, а Сейдж была необычно сосредоточена, пока они бежали к дому. О чем только *думала* Изола? Леэло знала, что хотела бы увидеться с Тейтом после его ухода, но она

никогда бы не позволила ему рисковать жизнью и вернуться на Эндлу. А ведь Питер не был частью семьи, а просто бывшим другом, который стал кем-то большим.

Они добрались до дома и скинули грязную обувь, прежде чем войти. Сейдж на мгновение остановилась, чтобы погреть руки у плиты, и позвала мать.

– Быстрее! – закричала она. – Там утопление!

От этих слов внутри у Леэло все перевернулось. Она всегда была слишком чувствительной, по словам тети Китти. Всякий раз, когда для летнего фестиваля забивали ягненка, у Леэло не хватало духу его есть. Не вид крови заставлял ее зрение затуманиться, а колени ослабевать, а мысль о том, что кому-то пришлось вынести столько страха и боли. И хотя она знала, что утопление – это совсем не бойня, а Питер сам выбрал свою судьбу, ему все равно предстоят невероятные страдания.

Китти вошла со двора, где колола дрова. У нее были такие же каштановые волосы и карие, как у Фионы, глаза. У Леэло были голубые глаза отца и серебристо-светлые волосы. Тейт не был похож ни на кого из них. Мать говорила, что он похож на их дедушку, который умер до рождения Леэло.

– Утопление? – переспросила Китти, вешая фартук на крючок возле двери. – Ты уверена? Сейдж кивнула.

– Это Питер Томасон. Он был в доме Изола. Должно быть, он перебрался по льду и скрывался всю зиму. Мать Изола преследует его в лесу.

Китти охнула:

– Бедняжка Розалия. Это станет вечным позором для ее семьи.

Леэло никогда не слышала о возвращении инканту на остров и задавалась вопросом, чем оно отличается от вторжения чужаков. Но в отличие от тети девушка думала не о Розалии. Все ее мысли были об Изоле и о самом Питере.

Китти покачала головой, бормоча себе под нос.

– Лучше позови Фиону. Она отдыхает наверху.

– Я встала. – Мама Леэло на нетвердых ногах спустилась по лестнице, тяжело наваливаясь на деревянные перила. В последнее время она часто чувствовала себя усталой и слабой, хотя утверждала, что в порядке. Леэло помогала ей ткать и шить, прежде чем стала Стражем, но теперь Фионе приходилось все делать самой. – Питер Томасон, говоришь?

Леэло взяла маму под руку и проводила к креслу у огня.

– Можем остаться здесь, если ты плохо себя чувствуешь.

– Все должны присутствовать, – напомнила Китти. – Ты знаешь.

– Мама? – Леэло присела на корточки. – Я не против остаться.

– Не думаю, что мне хватит сил, – сказала Фиона сестре.

– Именно поэтому ты должна пойти, сестра. Пение укрепит тебя.

Фиона нахмурилась и потерла виски.

– Голова болит. Я попытаюсь, но ты должна будешь пойти вперед, Леэло. – Голос матери звучал ласково, но она выглядела встревоженной. – Бедный мальчик. И его родители. Интересно, знают ли они.

Леэло прикусила неровный край ногтя. Мама знала, как сильно дочь не любит утопления. Но она уже избегала обряда, когда Стражи в первый же день дежурства обнаружили мужчину, который утверждал, что заблудился в снежной буре. Ему предоставили тот же выбор, что и всем остальным, и Леэло удивилась, когда он выбрал Лес. Зимой был хотя бы небольшой шанс перебраться по льду. Но Лес терпел чужаков не больше, чем собака блоху. Мужчину убило упавшей сосной спустя всего пару минут.

Повторное отсутствие Леэло заметят. Кроме того, утопления были важны для Эндлы. Они служили напоминанием, что это уникальное место и насколько важно защищать его любой

ценой. Только инканту были избавлены от обязанности присутствовать, но они и не считались настоящими эндланцами.

Несмотря на приют и еду, которые предлагал Блуждающий Лес, чужаки считали его злом, как сотни раз объясняла тетя Китти. *«Таковы чужаки. Если они чего-то не понимают, то они это уничтожают. Если кто-то живет не по их правилам, то он вообще не заслуживает жить».*

Вот почему все остальные Блуждающие Леса были вырублены или сожжены чужаками. Поэтому было жизненно важно уберечь остров. Конечно, Питер не был чужаком и вряд ли собирался навредить Блуждающему Лесу. Но если он смог так легко перебраться через озеро и скрываться, что помешает чужакам поступить так же?

– Хорошо, мама, – наконец согласилась Леэло. – Мы скоро вернемся.

Чувствуя, как внутри поднимается страх, она надела свои грязные ботинки и поплелась обратно в Лес с тетей и сестрой.

Сейдж взяла ее под руку, Леэло чувствовала *предвкушение* сестры.

– Знаю, ты такое ненавидишь, Ло. Но это необходимо. Он не может остаться. Ты должна это понимать.

– Я понимаю, – ответила Леэло, потому что это было проще, чем спорить с Сейджем. Но, конечно, Питер *не должен* умирать. Она вспомнила, как он, спотыкаясь, вышел полуголым из коттеджа Изолы, и подумала, насколько уязвимы люди перед яростью природы. Вспыхнуло другое воспоминание, как корни ее семейного дерева жадно впитывали жертвенную кровь, отчего рана на руке напомнила о себе пульсирующей болью. Она уже видела, как птицы влетают в Лес и никогда не вылетают. Однажды целый олень провалился в бездонную воронку. Леэло слишком хорошо знала, на что способен Лес.

Когда они достигли берега, Леэло увидела собравшуюся в форме полумесяца толпу. Сейдж протолкнулась вперед под руку с Леэло.

Питер стоял у самого края, его пятки почти касались воды. Он держал палку как оружие. Юноша оскалил зубы, напомнив Леэло барсука, которого она однажды поймала в силки. Она не знала, давали ли инканту тот же выбор, что и чужаку, но, похоже, Питер сделал выбор сам.

– Не подходите! – кричал он, размахивая палкой перед какой-то женщиной. – Я серьезно.

– Питер, пожалуйста! – снова закричала Изола, но мать и двое других островитян удерживали ее. – Ты же знаешь, это невозможно.

Питер посмотрел назад. Там осталось несколько маленьких льдин. Ближайшая находилась всего в паре метров от берега, но добраться до нее, не коснувшись воды, было невозможно. Леэло оглядела толпу в поисках родителей Питера и обнаружила их стоически держащимися в конце шеренги. Не считая нескольких слезинок на щеках матери, невозможно было догадаться, что их сын собирается умереть. *Почему они ничего не сделали? Как могли просто стоять и наблюдать?*

Внезапно Питер развернулся и понесся по мелководью, каким-то образом добравшись до ближайшей льдины. Он стоял там, широко расставив ноги для равновесия, лихорадочно обдумывая следующий ход. Островитяне наблюдали, как он совершил прыжок, приземлившись наполовину на лед, наполовину в воду.

– Смотрите! – крикнул кто-то. На противоположном берегу собралась толпа чужаков.

– Питер, поспеши, – крикнул один из них. – Ты справишься!

Питер почти добрался до середины, но на том берегу лед был еще тоньше. Туда можно было добраться только вплавь. Чужаки тащили лодку по грязи к воде, но, казалось, не решались riskнуть. Леэло не могла их винить.

– Помогите! – закричал Питер, когда лед под ним треснул. Вот он стоял, а в следующий миг уже исчез, сопровождаемый лишь небольшим всплеском и сдавленным криком.

– Питер! – На мгновение Изоле удалось вырваться, но ее перехватили прежде, чем она добралась до воды. Леэло понимала, что девушка бросилась бы в озеро, если бы ее не остановили.

– Это ужасно, – всхлипнула Леэло, повернувшись, чтобы уйти, но прямо за спиной оказалась тетя Китти.

Она схватила Леэло и заставила посмотреть на воду.

– Ты должна засвидетельствовать их глупость, – настаивала она. – Видишь, что происходит, когда мы не ставим остров превыше всего?

Питер вынырнул на секунду, но Леэло знала, что это уже бесполезно. Если озеро вцепилось в жертву, пути назад не было. Когда он снова исчез, островитяне рассредоточились по берегу, взявшись за руки. Леэло оказалась между тетей и сестрой, которые уже закрыли глаза, склонив головы.

Весна еще не наступила, но каждая жертва требовала песни. Эта песня не заманивала существ, как охотничья, и не умирляла их, как песня-убийца. Мама говорила, что она предназначена озеру, его просят быть нежным с жертвой. Хотя на самом деле озеро даже не часть Леса – оно было здесь прежде и осталось бы, если бы Лес когда-нибудь исчез. Озеро было их защитником. В этой смерти нет никакой нежности, подумала Леэло, вспоминая лебедя. Она только надеялась, что все произойдет быстро.

Первая нота была настолько низкой, что Леэло едва слышала ее. Один за другим островитяне подхватывали мелодию. Скорбная панихида эхом отдавалась в ушах, когда ее собственные губы издавали ноты песни утопающего. Как бы сильно она ни ненавидела утопление, как бы сильно ни боялась яда озера и голода окружающих лесов, она не могла остановить свою магию так же, как не могла остановить смену времен года. Леэло снова чувствовала, что песня рвется из груди с отчаянным желанием освободиться.

На дальнем берегу люди зажали уши руками и убежали, как стадо оленей.

Леэло смотрела на место, где исчез Питер, гадая, к какому берегу прибьет его кости, если они вообще появятся из воды. Девушка думала о родителях Питера. Пели ли оно вместе со всеми? Знали ли они, что их сын вернулся? Это казалось таким несправедливым – сначала быть наказанным тем, что родился без магии, а потом вынужденным уйти. Инканту не были в безопасности на Эндле. Потому что островитяне вскоре запоют, а те, у кого нет магии, могут противостоять ей не больше, чем мотылек пламени.

Теперь Леэло знала, что единственное, что может быть хуже ухода ее брата, это стоять вот так на берегу и петь песню утопления для Тейта.

Глава четвертая

В ту ночь Фиона ласково расчесывала длинные волосы дочери, пока Китти заплетала каштановые пряди Сейдж в некое подобие косы. Тейт уже спал, в гостиной было тихо, если не считать тихих протестов Сейдж и потрескивания огня.

Весь день Леэло пыталась постигнуть смысл увиденного. Она всегда верила, что больше не увидит Тейта после его ухода и что любой, кому известно, на что способен Лес, будет бежать как можно дальше, чтобы никогда не поддаться соблазну вернуться.

В детстве Леэло души не чаяла в младшем брате. Она не помнила момент, когда поняла, что он уйдет к своему двенадцатому дню рождения, до которого теперь оставалось всего несколько недель, если его магия не проснется. Считалось, что если к этому возрасту магия не проявилась, то эндланец навсегда становится инканту. Человек без магии не сразу станет жертвой их песен, но в конце концов это произойдет. Гораздо лучшей участью было уйти до того, как станет слишком поздно.

Лет в десять Тейт отказался от пения молитв Лесу и вместо этого начал разговаривать с ним, уже зная, что в его голосе нет магии. Леэло изо всех сил старалась отдалиться от него, но быстро поняла, что расстаться будет так же больно, как отрубить себе ногу или руку. И не важно, произойдет это сейчас или когда ему придется уйти. Он все еще пытался забраться на ее половину кровати в холодные ночи, и иногда у нее не хватало духа прогнать его. Лежа вот так рядом с ним и глядя на его детское личико, она не могла представить его совсем одного в другом мире.

– Почему мы отсылаем их прочь? – прошептала Леэло, хотя и знала ответ.

– Те, у кого нет магии, недостаточно сильны, чтобы противостоять нам, – пояснила Фиона, ее голос звучал нежно. Веки Леэло отяжелели. – Поэтому мы не можем позволить им остаться на острове.

– Уверена, мы смогли бы как-то защитить их. – Леэло вздохнула.

– Ты же знаешь, что это невозможно. Они прямиком побегут в наши ловушки, как раздается охотничья песня, – ответила Китти, ее голос был резким, как и взгляд в свете огня.

Сейдж высвободилась из огрубевших рук матери и подобрала набор маленьких оленьих рогов, все еще покрытых мягким пушком. Молодой самец, у которого она их забрала, умер естественной смертью – охота на острове возобновится только после фестиваля. Сейдж уже нанизала ягоды остролиста на нитку и теперь принялась обматывать рога, создавая свою корону для весеннего фестиваля.

– Ну и что с того, что поймают нескольких инканту, – сказала Сейдж. – По крайней мере, Лес будет сыт.

– Как ты можешь такое говорить? Отсутствие магии не значит, что они заслуживают смерти, – нахмурилась Леэло.

– Именно поэтому мы отсылаем их, – пояснила Китти. – Это милость, а не наказание. Питер знал о последствиях возвращения.

– А какие последствия для укрывающих инканту? – спросила Сейдж.

Китти собрала с расчески волосы дочери и бросила их в огонь, где они тут же превратились в пепел.

– Семейю Изола будут сторониться. По крайней мере, какое-то время. Я поговорю с советом от имени Розалии и Ганта. Они играют слишком большую роль в обществе, чтобы навечно остаться изгоями, да и не похоже, чтобы до сегодняшнего дня они знали о Питере.

– А сама Изола? – не сдавалась Сейдж.

– Бедняжке придется всю жизнь нести на себе этот крест, – тихо ответила Фиона.

Сейдж закатила глаза, явно не удовлетворенная таким ответом.

– Могу поспорить, теперь на ней никто не женится.

– Изола уничтожена, – согласилась Китти. – Если ее родители достаточно умны, то выго-
нят ее как можно раньше. Им нет смысла страдать из-за ее ошибки.

У Леэло душа болела за Изолу. Она не могла даже представить, каково это – быть отверг-
нутой собственной семьей.

– Но Питер был одним из нас. И не причинил никому вреда. Мы даже не знали о его
присутствии.

Китти нахмурилась:

– Как только инканту уходит, он становится чужаком, а мы не допускаем чужаков на
остров. Почему нужно повторять это тысячу раз, Леэло?

– Не все чужаки плохие, Китти.

Леэло повернулась и посмотрела на мать. Она говорила редко и обычно соглашалась с
сестрой. Но сегодня, похоже, Фиона была не в настроении молчать.

Китти ответила на замечание сестры таким взглядом, что им можно было бы пронзить
насквозь.

– Я устала, – вздохнула Фиона, поднимаясь с кресла. – Пойду лучше спать.

Следуя примеру Фионы, Леэло и Сейдж отправились наверх, в свою общую комнату,
оставив недовольство Китти тлеть в темноте вместе с углями в камине.

Девушки молча готовились ко сну, но слова Фионы снова и снова звучали у Леэло в
голове, когда она забралась в кровать, играя с одним из шариков яркой валяной шерсти, кото-
рые она превратила в гирлянды. Они свисали с изголовья кровати, подоконника, маленького
книжного шкафа, который делили сестры. Другим украшением комнаты был круглый тканый
ковер в розовых и красных тонах, занимавший большую часть пола. Их бабушка соткала его
перед смертью. Ковер рассказывал историю Эндлы, если знать значения цветов и узоров.

– Я знаю, мы пришли сюда, чтобы защитить Лес и самих себя, – как-то сказала маленькая
Леэло маме. – Но что настолько ужасное случилось в том мире, что нам пришлось уйти?

Фиона вздохнула, словно знала, что этот разговор неизбежен.

– Когда-то наши предки жили на материке в небольшом городке, обнесенном стеной
и отрезанном от остального мира. Но однажды наша песня заманила маленькую девочку из
деревни неподалеку, и больше ее никто не видел. Жители деревни напали на город, загнав
многих наших людей внутрь стен, и все подожгли. Некоторым удалось спастись, они побежали
в горы, отчаянно нуждаясь в укрытии.

– Когда они подошли к озеру Лума, то слышали, как остров зовет их. Одна женщина
прокралась за припасами в ближайший город и подслушала рассказы местных жителей о Блуж-
дающем Лесе и его злодеяниях, как он пожирал любого, кто добирался до острова. Многие сги-
нули там, пытаясь уничтожить Блуждающий Лес, чтобы он больше не мог бы вредить людям.
Никто из них так и не вернулся. Но наши предки решили рискнуть.

– А как мы перебрались через озеро?

– Тогда воды не были ядовитыми, – пояснила Фиона. – Когда все наши люди благопо-
лучно переправились – жители деревни увидели их на Эндле, все еще живых. Они решили
приплыть и сжечь все дотла, включая наших людей. Несколько недель спустя жители деревни
напали на остров. Но прежде чем они смогли достичь берега, их лодки начали растворяться.
Десятки чужаков утонули. Они попытались снова, еще пару недель спустя, но итог был тот же.
Озеро наполнилось ядом, и через него уже было невозможно перебраться. – Блуждающий Лес
нашел людей, которые будут его защищать, и, в свою очередь, стал защищать нас.

Глава пятая

Шли дни, никто больше не говорил об утоплении. Леэло беспокоило, что люди легко сделали вид, будто человек не умер, или еще хуже, что он вообще никогда не жил. Она старалась не думать о Питере, но волновалась за Изоу. С того злополучного утра она не виделась с подругой и сомневалась, что сегодня ночью та придет на весенний фестиваль.

Фиона расправила подол платья дочери и посмотрела ей в лицо, в ее глазах стояли слезы.

– В чем дело? – спросила Леэло, обеспокоенно уставившись на маму.

– Просто думаю, какая же ты красивая.

– И поэтому плачешь? – поддразнила Леэло.

Фиона улыбнулась и поднялась на ноги, слегка пошатнувшись.

– Ты становишься взрослой женщиной. Сложно поверить, что я была всего на несколько лет старше, когда родила тебя.

По их традициям, дети Эндлы выросли в течение года работы Стражами. Но Леэло не чувствовала себя взрослой и уж точно не была готова иметь детей. Она нахмурилась и снова посмотрела в зеркало. Лебединая корона, с которой помогла мама, начиналась спереди от линии роста волос и двигалась вниз, как два крыла, к затылку, прямо над косой. В передней части короны ягоды были собраны в гроздь и напоминали драгоценные камни.

Ее новое платье было сшито так, чтобы подчеркнуть цвет лица. Шерсть была окрашена в мягкие тона от светло-небесного цвета ее глаз до бледно-зеленого цвета заснеженных сосен. Юбку украшал узор из снежинок, белых лисиц и серебряных сосновых шишек. Воротник, манжеты и подол были отделаны мягким белым кроличьим мехом.

– Ты похожа на Снегурочку, – сказала Сейдж, появившись в дверном проеме. Ее собственное платье было соткано в осенних тонах. Ткань украшали рыжеватые олени, коричневые белки с орехами и золотые дубовые листья. На плечах красовалась маленькая накидка из оленьей шкуры. Она уже надела свою корону из оленьих рогов, красные ягоды ярко выделялись на фоне зубов.

Леэло улыбнулась и взяла Сейдж за руку, ведя ее вниз по лестнице. Они были слишком взволнованны, чтобы есть с аппетитом, поэтому тетя Китти приготовила на завтрак только поджаренный хлеб с ежевичным джемом.

– Осторожно, не заляпайте платья, – наставляла она. – Наша мать и близко не умела шить так хорошо, как Фиона. Вам захочется сохранить ваши платья для своих собственных дочерей.

Сейдж закатила глаза. Ее материнский инстинкт, если он и был, еще не проявился. Обе девочки присутствовали при родах Тейта, но в то время как Леэло восхищалась силой матери и спокойной уверенностью акушерки, Сейдж видела только кровь и боль.

– Да, тетя Китти, – сказала Леэло. Хотя правда была в том, что она не знала, хочет ли иметь детей. Выбора у нее не было – эндланцы были обязаны поддерживать свою численность не только ради магии, но и для защиты последнего Блуждающего Леса. По крайней мере, у нее еще оставалось несколько лет до того, как наступит пора выходить замуж.

– Идем, – позвала Сейдж, отодвигая свой недоеденный завтрак. – Мы ведь не хотим опоздать.

Тейт выглянул из-за двери своей маленькой комнатки под лестницей и робко помахал рукой. Леэло помахала в ответ, изображая жизнерадостность. Она часто представляла, как сможет спрятать его на острове, даже если магия брата не пробудится. Они построили бы Тейту небольшой домик на дальней стороне, куда почти никто не ходит, и Леэло навещала бы его каждый день.

Но теперь она знала, что такая жизнь не для него. Тейт был бы несчастлив в одиночестве. Теперь она надеялась, что ему удастся найти других изгнанных эндланцев и жить с ними. Так у него сохранилась бы хоть какая-то связь с домом.

– Мы вернемся через несколько часов, – заверила его Леэло.

– Оставайся здесь, – добавила тетя Китти, словно он не знал. – Делай что хочешь, но не подходи близко к озеру.

Весенний фестиваль всегда знаменовал день, когда эндланцы снова могли петь.

Тейт кивнул и спрятался обратно в комнату.

– Не нужно быть с ним такой строгой, – Фиона опустилась на колени, чтобы помочь Леэло со шнурками сапог по колено. – Он хороший мальчик.

Китти не ответила.

Выйдя на улицу, Леэло с удивлением обнаружила Изола, бредущую по тропе впереди. Она думала, что Изола не придет сегодня, учитывая тот факт, что ее семью избегали, как и предсказывала тетя. Китти запретила девушкам навещать подругу, но сейчас Изола была здесь, и Леэло не собиралась сторониться ее. Она вздрогнула, заметив, что длинные темные волосы Изола были подстрижены почти до подбородка.

– Изола, – позвала Леэло, побежав вперед, чтобы догнать ее.

Девушка посмотрела на нее отсутствующим взглядом.

– Леэло.

– Ты... как ты?

Изола снова посмотрела на тропу перед собой.

– Хорошо.

Леэло подумала о том, чтобы выразить какие-нибудь соболезнования по случаю смерти Питера, но что она могла сказать? Он погиб, и Изола, должно быть, чувствовала себя виноватой в его смерти.

Сейдж с безразличным видом подошла к ним.

– Не могу поверить, что наконец настала наша очередь, – воскликнула она, кружась и вприпрыжку бегая по тропе. – Семнадцать лет наблюдать, как все остальные участвуют в церемонии, а теперь самим прикоснуться к действию.

– Поздравляю, – пробормотала Изола. – Вы обе хорошо выглядите.

Леэло посмотрела на платье подруги, простое шерстяное платье кремового цвета, расшитое цветами. Ее мать сшила его для нее, но оно было далеко не так прекрасно, как работы Фионы.

– Что случилось с твоими волосами? – спросила Сейдж. Леэло бросила на нее предостерегающий взгляд, но Сейдж ничего не заметила.

– Мама отрезала их.

Сейдж нахмурилась:

– Зачем?

– Потому что я перестала их расчесывать.

Леэло чувствовала, как волны печали окутывают девушку. Она нерешительно обняла Изола за талию и прижала ее к себе. Изола уронила голову на плечо Леэло.

Леэло прикусила губу и обернулась. Розалия и Фиона шли вместе. Без сомнения, они приглушенно разговаривали о Питере и о том, как тяжело Изола переживает его смерть. Китти пыталась подтолкнуть сестру вперед, но Фиона не обращала внимания.

Леэло осознала, что Изола плачет, когда ее плечо стало влажным.

– Почему ты пошла сегодня? – ласково спросила она.

Изола всхлипнула и вытерла лицо рукавом.

– Совет сказал, что мы должны. Что важно показать мой пример новым Стражам. Но я пойму, если вы не захотите разговаривать со мной. У вас могут возникнуть проблемы.

Сейдж поморщилась и поспешила вперед, чтобы присоединиться к остальным эндланцам. И часть Леэло – та, которая следовала правилам, которая никогда бы не предала остров, особенно если это означало навлечь позор на семью – хотела присоединиться к сестре. Но вместо этого она позволила себе почувствовать влагу на плече, осязаемое напоминание о страданиях Изола, и осталась рядом.

Наконец они добрались до берега, противоположного тому, на котором умер Питер. Сюда приходили довольно редко, во время весеннего фестиваля и еще несколько раз в году. Отсюда виднелся берег материка, но он был безлюден, поэтому им не угрожала опасность быть увиденными. Иногда Стражам приказывали обходить этот район, но Леэло и Сейдж не были здесь после прошлогодней церемонии, в которой участвовал кто-то из их дальних родственников. Для жителей Эндлы посещение не было обязательным, но, будучи одной из десяти избранных членов совета острова, Китти посещала фестиваль каждый год.

В этом году двенадцать подростков стали Стражами, и большинство из них уже прибыли со своими семьями. Они приветствовали друг друга с едва сдерживаемым волнением, шестеро юношей стояли отдельной группой. Конечно, Леэло знала их всех, они вместе росли и играли. На таком маленьком острове не было незнакомцев. Но Стражей делили на две команды, и, проводя большую часть времени на посту, они редко виделись.

– Ваши платья такие красивые, – ахнула девушка по имени Вэнс, касаясь мягкой вышивки на рукаве Леэло и кивнув на Сейдж. На девушке была корона из перьев совы, украшенная сушеным чертополохом и темно-фиолетовыми ягодами. – Благословение иметь в семье такую искусную швею.

Леэло улыбнулась и обернулась на маму, которая присоединилась к остальным родителям по настоянию Розалии. Мать Изола не хотела, чтобы общение с ней бросало тень на Фиону. Старшая сестра Вэнс не обладала магией, но Леэло едва ее помнила. Она ушла, когда девочки были совсем маленькими. И Леэло задумалась, говорили ли их матери о том, каково это – попрощаться с собственным ребенком.

– Как Изола? – спросила Вэнс, указав на девушку, которая отошла и стояла у кромки берега, уставившись пустым взглядом на воду, почти касаясь ее грязным подолом.

– Не очень.

Поджав губы, Вэнс со своими желто-зелеными глазами стала очень похожа на сову. – Просто не могу понять, о чем она думала. Рискнуть всем ради какого-то парня. *Инканту*.

Слова больно кольнули Леэло. Она любила Тейта наравне с Сейдж, вне зависимости от магии.

– Должно быть, он был ей действительно дорог.

– Если так, она не позволила бы ему вернуться, – возразила Сейдж.

После этого разговора Леэло встала рядом с матерью и ждала, пока соберутся все, кто должен был прийти. Китти, разговаривавшая с членами совета, каждый из которых представлял примерно тридцать островитян, теперь подошла к девушкам.

– Церемония вот-вот начнется, – обратилась она к Сейдж и Леэло, сжав их плечи. – Вы должны спуститься к воде.

Леэло повиновалась, тщательно стараясь не испачкать ботинки. Берег здесь был грязным от тающего снега, сквозь который отважно пробивались побеги зеленой травы. Скоро весь остров оденется в весеннюю зелень. Леэло все еще будет Стражем, и, если не случится чуда, Тейт уйдет.

– Стражи, – начала одна из членов совета, хлопнув в ладоши. – Церемония начинается. Пожалуйста, возьмите свою лилию у советника Китти.

Китти стояла перед металлической чашей, наполненной водой. На поверхности плавали двенадцать белых водяных лилий, по одной на каждого Стража. Члены совета вырастили их в

пруду, который эндланцам было запрещено посещать до окончания года их служения в качестве Стражей.

Китти с гордостью улыбнулась Леэло и Сейдж, когда те брали свои цветки. Когда все они собрались на берегу, остальные островитяне начали напевать прекрасную мелодию, которая была настолько воодушевляющей, насколько была печальной песня утопления. Впервые за день Леэло ощутила воодушевление, которое, должно быть, чувствовали остальные Стражи. К концу года она уже будет взрослой и сможет сама принимать решения.

Но в реальности все было не совсем так. Она не сможет даровать Тейту магию или вернуть маме здоровье. Леэло не сможет уберечь свое собственное сердце. Она вспомнила, как мама однажды сказала ей, что печаль и горе своего рода дар, напоминающий о том, что у тебя еще есть сердце, которое можно разбить.

«Когда ты перестанешь волноваться и горевать – тогда ты поймешь, что действительно потеряла себя», – сказала однажды Фиона. Даже тогда Леэло поняла, что она говорила о тете Китти, которая никогда не говорила о своей утрате или утрате сестры.

Опустившись на колени, Стражи положили лилии на воду, и те плавали, словно крошечные льдинки. Цветы медленно уплывали в глубь озера. В конце концов они пустят корни, пока яд озера не растворит их. Они продержатся дольше, чем птицы, или люди, или что-то еще, попавшее в воду. Но в итоге магия поглотит все, к чему прикоснулась, подобно зверю, пожирающему свою добычу полностью, ничего не оставляя.

Даже костей.

Глава шестая

Ярен сидел на пне возле озера, прямо напротив того берега, где островитяне выпустили в воду что-то похожее на цветы. Он обещал отцу не возвращаться и не собирался этого делать. Но каждый раз, когда отправлялся в лес на поиски еды, в его голове всплывала скорбная песня, и он чувствовал странное желание вернуться сюда. В первый раз на острове было тихо, без видимых признаков жизни. Не было никакой причины возвращаться.

Этим утром он отправился за крапивой и одуванчиками, единственными съедобными растениями, доступными ранней весной. Он снова оказался на тропе, ведущей к озеру. До него оставалось больше километра, когда Ярен услышал пение. И тут он наконец понял, где слышал преследующую его много дней мелодию. Он поспешил вперед через лес, забыв предостережение отца. Зловещая далекая мелодия была такой же реальной, как и человек, который ее пел.

Однако эта песня была совсем другой. Радостной, заставлявшей его ноги невольно постукивать по замшелым корням. Он начинал задаваться вопросом, правдивы ли истории об Эндле.

Прошлой ночью он встречался с компанией местных жителей в единственном баре Бриклбери. Его все еще считали чужаком, но чужаком с тремя красивыми достойными сестрами, и этого оказалось достаточно для приглашения.

Ярен вскользь спросил одного парня про озеро. Озеро Лума, как они называли его. Пустое озеро.

– Оно не совсем пустое, – сказал кто-то из деревенских. Его звали Ларс, он был высоким и долговым, с копной рыжих непослушных волос. – Оно полно яда.

Он понизил голос:

– *Волшебного яда.*

– Волшебного, – повторил Ярен, делая глоток пива, чтобы скрыть смех.

– Смейся сколько хочешь, – огрызнулась молодая женщина с густыми бровями. – Это правда.

Ярен склонил голову:

– Прости. Я не хотел насмехаться. Просто не верю в магию.

Брови женщины сошлись в две сердитые складки, и она умчалась прочь в поисках лучшей компании. Ярен скорчил гримасу Ларсу:

– Упс.

Парень наклонился ближе, прикрывая рот рукой, хотя ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным в оживленных разговорах маленького паба.

– Отец Мэгги был убит озером.

– Но если все знают про яд, почему ее отец полез в воду?

Ларс объяснил, что островитяне подобно сиренам из старых пиратских песен поздно ночью зазывают жителей деревни голосами настолько прекрасными, что невозможно устоять. Но хотя песня, похоже, преследовала его, Ярен не верил, что нечто подобное способно затопить его в воду. Только не после того, как Ларс описал смерть отца Мэгги в самых ужасных подробностях.

Ярен наблюдал, как эндланцы танцуют вместе, их навязчивые голоса служили им единственным инструментом. Они кружили между деревьями, сверкая рогами, перьями и мехом, как будто стали лесными существами, а не людьми.

Юноша выпрямился, когда одна из девушек отделилась от толпы. С такого расстояния она была лишь бледным пятном на фоне деревьев. Ее корона была совершенно белой, светлее ее волос.

Она подошла к берегу, и на мгновение Ярен испугался, что *она* может войти в воду. Но она замерла у кромки, наклонилась и опустила что-то, что держала в сложенных чашечкой руках.

Он поднялся с пенька и тоже подошел к воде. Теперь Ярен стоял прямо напротив нее через озеро, и было так легко поверить, что эти чистые синие воды неопасны, а девушка на том берегу просто девушка, как его сестры. Несколько секунд она смотрела на то, что выпустила из рук, а потом встала, расправила платье и подняла глаза.

Ярен слишком поздно осознал, что вышел из укрытия деревьев. Он был так же виден, как и девушка. Невозможно, чтобы она его не заметила. На мгновение суеверия жителей взяли верх. Что, если она начнет петь? Хватит ли ему сил противостоять?

Он тут же отогнал эту мысль. Даже если он захочет добраться до Эндлы – а у него не было ни малейшего желания, – поблизости не было ни одной лодки.

Кроме того, девушка молчала. Она ничего не делала, просто смотрела. Издалека он не мог разглядеть черты ее лица и сомневался, что она хорошо видела его. Они были просто двумя безликими людьми неопределенного возраста, наблюдающими друг за другом через озеро, полное яда.

Поэтому, когда девушка подняла руку и помахала ему, Ярен решил, что нет ничего плохого в том, чтобы помахать в ответ.

Глава седьмая

Леэло ушла с церемонии раньше Сейдж. Она надеялась, что после церемонии будет чувствовать себя по-другому, обновленной. Что участие в обрядах посвящения поможет понять неизменный ход вещей на Эндле. Но девушка чувствовала себя той же, что и прежде. И все также Леэло не могла смириться с уходом Тейта.

Она заметила белый цветок крокуса, упавший с чьей-то короны, и подхватила, чтобы его не растоптали. Напевая тихую молитву впервые за несколько месяцев, она отнесла цветок к берегу, опустив на воду, как прежде лилию, но на этот раз как символ своего брата. В отличие от лилий, крокус почти мгновенно пошел ко дну, словно дурное предзнаменование.

Леэло встала, вытирая слезы, и увидела мужчину. Он стоял прямо напротив нее через озеро, наблюдая.

Она подумала о том, чтобы сбежать. Ближайшая деревня была на противоположном берегу с другой стороны острова, поэтому девушке было странно увидеть здесь человека. И при мысли о наблюдающем за церемонией чужаке ей стало не по себе. Это было сакральное действо на Эндле.

Но по какой-то причине Леэло медлила. Он был моложе, чем ей показалось изначально, возможно, на год или два старше нее, еще безбородый. У нее было острое зрение, которое, по словам Китти, делало ее хорошим Стражем, но с такого расстояния она не могла разглядеть черты его лица, только волосы цвета каштана.

Она даже не осознавала, что машет ему, пока он не поднял руку в ответ. Она тут же опустила свою, щеки стали пунцовыми, но она не убежала. Да и вряд ли он мог навредить Лесу оттуда.

Мужчина уронил руку, когда что-то упало в воду рядом с ним. Он посмотрел вверх на свисающие над озером ветви и раскрыл рот от удивления. Леэло подумала, что это сосновая шишка, но потом посмотрела на воду и поняла, что, должно быть, из гнезда выпал птенец.

Она охнула, прижав ладонь к губам, а юноша поднял илестую ветку и попытался спасти птицу, как спасала она лебедя.

Он скинул пальто и обернул им руку, прежде чем выловить крошечного птенца, поднес его к лицу, вероятно проверяя признаки жизни, и посмотрел на девушку.

Леэло знала, что на таком расстоянии это невозможно, но на один трепетный момент почувствовала, что их взгляды встретились.

Она неосознанно шагнула вперед, и ее ботинки оказались в опасной близости от воды. Он что-то закричал, и девушка замерла. Он покачал головой. Птенец не пережил бы падения, не говоря уже о яде, и отсюда она точно не могла помочь. Юноша углубился в лес и опустился на колени. Леэло потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что он хоронит птенца.

– Вот ты где!

Леэло испуганно вздрогнула от голоса Сейдж прямо за спиной.

– Что ты делаешь? – спросила сестра, прищурившись. Ее лоб блестел от пота после танцев. Леэло чувствовала жар, исходящий от ее тела. – Там чужак?

Щеки Леэло снова вспыхнули, на сей раз от стыда.

– Да.

– Что он делает? – Сейдж начала поворачиваться. – Нужно сказать матерям.

– Нет, – выпалила Леэло, схватив ее за руку. – Не говори.

Любопытство на лице Сейдж сменилось подозрением.

– Почему?

Леэло поймала себя на том, что пытается найти оправдание, прежде чем успела задуматься о причине.

– Какой смысл мешать празднику? Он не сделал ничего плохого.

– Он не должен наблюдать за нами, Ло.

Ее первой горькой мыслью было: *нет, этим занимаемся мы.*

– Он не смотрел, – сказала она вместо этого. – Не совсем так.

Сейдж все еще не выглядела убежденной, ее глаза цвета лесного ореха пронизывали насквозь.

– Он мог видеть ритуал и может рассказать остальным. Для этого и нужны Стражи, Леэло. Нужно спеть охотничью песню и избавиться от него, прежде чем он кому-нибудь расскажет об увиденном.

Желудок Леэло скрутило при мысли о том, чтобы заманить этого незадачливого незнакомца в озеро.

– Он ничего не сделал. И не видел церемонию. Я в этом уверена.

– Почему ты его защищаешь? – спросила Сейдж, скрестив руки на груди. – Защита *Эндлы* превыше всего.

А Эндла защищает нас, мысленно закончила Леэло.

– Я просто... правда не думаю, что он пришел, чтобы навредить Лесу. – По какой-то причине ей не хотелось рассказывать Сейджу о птенце. Это казалось тайной, доброй тайной, а Сейдж найдет способ все вывернуть. – Давай вернемся.

Праздничный настрой улетучился, но ей хотелось уйти прежде, чем Сейдж настоит на расправе над чужаком.

Сейдж пошла за Леэло в глубь Леса, но выражение ее лица не изменилось. Леэло хотелось рассказать сестре о своих мыслях, которые возникли у нее, когда парень спас птенца. Она хотела понять, насколько Изола была сломлена из-за Питера, почему он должен был умереть и почему Тейт должен уйти.

Но момент был упущен. Они присоединились к остальным, и Леэло решила проверить Изолу, которая стояла, уставившись на горизонт, ее глаза были пусты, как воды озера Лума.

В ту ночь Леэло несколько часов лежала без сна и смотрела в потолок, наблюдая за игрой теней в лунном свете. По дыханию Сейдж она могла сказать, что той тоже не спалось. Завтра им рано вставать на дежурство, и они должны были быть измотаны после праздника, но по какой-то причине сон отказывался приходить.

– Не уверена, что когда-нибудь захочу влюбиться, – внезапно произнесла Сейдж.

Леэло издала едва слышный произвольный вздох.

– Почему?

– Не хочу отдавать кому-то часть себя. Посмотри, чем это обернулось для Изолы, – добавила она.

Леэло широко раскрыла глаза, но промолчала, боясь, что любой ответ испугает Сейдж, и девушка снова закроется. Она впервые делилась чем-то настолько личным, и Леэло задержала дыхание, надеясь на продолжение.

– До него Изола была в порядке, – продолжила Сейдж. – Свободна и счастлива, прямо как мы. А теперь кажется, что часть ее умерла вместе с Питером.

– Но, может, оно того стоило, – отважилась произнести Леэло, немного помолчав. – Испытать такую любовь.

Сейдж напряглась, и Леэло испугалась, что слишком на нее надавила.

– Разве это любовь, если она тебя убивает?

Леэло подумала о маме, о ее спокойной решительности и непоколебимости. О Тейте, который хотел только любить и быть любимым в ответ. От осознания того, что в ее жизни есть такие люди, на душе становилось спокойнее. Она с радостью впустит в жизнь *больше* любви.

– Не думаю, что любовь убивает. Во всяком случае, не так часто. Любовь делает людей сильнее.

– Не думаю, что моя мама на самом деле любила отца, но она самая сильная женщина из всех, кого я знаю, – сказала в свою защиту Сейдж.

Некоторое время Леэло молчала, но, наконец набравшись храбрости, повернулась к сестре:

– Я хочу кое-что тебе рассказать, но боюсь, ты рассердишься.

Сейдж смягчилась и потянулась вперед, положив руку на плечо Леэло.

– Ты моя лучшая подруга, Ло, и можешь рассказывать все что угодно. Даже о том мужчине на берегу.

Леэло снова легла на спину. Иногда Сейдж была слишком проницательна.

– Я видела, как он спас упавшую в озеро птицу. Во всяком случае, попытался. Но та уже умерла. И он ее похоронил.

– И?

Леэло села и посмотрела на Сейдж:

– Если чужаки настолько ужасны, если все они хотят уничтожить Лес, то почему он приложил усилия и похоронил птенца?

– Не говори, что ты защищала того парня только из-за дурацкой птицы, – застонала Сейдж. – Думаю ли я, что некоторые чужаки лучше остальных? Разумеется. Боги свидетели, что и некоторые островитяне лучше других.

– Но твоя мать ненавидит их всех.

Теперь и Сейдж села, ее голос стал жестким.

– Ты ничего не знаешь о моей матери.

– Тогда расскажи мне, – сказала Леэло. – Почему она так сильно ненавидит чужаков?

Сейдж пристально посмотрела на нее, словно ей было что сказать, но вместо этого снова легла и отвернулась.

– Просто ложись спать. Завтра у нас ранняя смена.

Леэло была уверена, что Сейдж совершенно не хотела спать, ее дыхание было быстрым и сердитым. Она подождала пару минут, вышла из спальни и тихо спустилась по лестнице. Леэло открыла дверь в комнату Тейта и скользнула внутрь, согнувшись, чтобы не удариться головой о наклонный потолок. Тейт спал на матрасе на полу. Девушка встала на колени, приподняла одеяло и устроилась рядом с братом.

– Привет, – сонно пробормотал он.

– Прости, что разбудила.

Он повернулся к ней, его глаза блестели в темноте.

– Ты в порядке? Мама сказала, церемония прошла хорошо.

– В полном. Просто хотела увидеть тебя.

– Нам осталось мало времени, – прошептал Тейт.

Леэло сглотнула подступающий к горлу ком.

– Мы извлечем из него максимум пользы.

Брат долго молчал, и Леэло уже решила, что он заснул, но тут Тейт снова заговорил:

– Правда, что мы больше никогда не увидимся после моего ухода?

Леэло закусила губу, сдерживая рыдания. Ни молитвы, ни жертва не сработали. Интересно, подумала она, что нужно сделать, чтобы задобрить Лес? Стая птиц? Целый олень?

– Может, ты отправишь мне знак, что с тобой все в порядке, – сказала она. – Зимой, когда не нужно будет беспокоиться о пении.

– Какой знак? – спросил он, просияв.

– Костер на берегу. Там никто не разбивает лагерь, так я пойму, что это ты.

– Но как ты его увидишь?

– Буду приходить на берег, начиная с первой ночи зимы. Через час после захода солнца, чтобы видеть пламя. – Большинство островитян ненавидели зиму. Им нельзя было петь, а озеро не защищало от чужаков. Леэло тоже скучала по зелени, розовым оттенкам весны и лета, по огненно-яркой листве осени. Но временами начинала думать, что у зимы есть своя тихая красота. Дремлющий Лес был мягким и неподвижным под своей снежной мантией, животные надежно укрывались в берлогах. Зима была единственным сезоном на Эндле, не разъеденным ядом.

Она сжала руку брата.

– Я буду спокойна, зная, что ты в безопасности, Тейт.

Он опять долго молчал.

– Но я хочу, чтобы ты могла меня навещать.

Эндланцы никогда не покидают остров. Все об этом знают. Говорят, что корни обвивают им ноги, так что они не могут уйти, даже если захотят.

Да и зачем? Другие места столкнулись с войной, голодом, жестокими властителями и дикими зверями. А здесь жизнь течет мирно. Нет бездомных и угнетенных. Озеро защищало лучше любого правителя. Лес обеспечивал всем необходимым. И если цена – заточение, то так тому и быть. Во всяком случае, так сказала бы тетя Китти.

Леэло поцеловала брата в лоб и закрыла глаза. Сейдж сказала, что ее мама сильная, но Леэло так не думала. Тетя была жесткой и хрупкой, как птичьи косточки или растопка. А Леэло слишком хорошо знала, что хрупкие вещи не гнутся под давлением.

Они ломаются.

Глава восьмая

– Что за песню ты постоянно напеваешь? – спросила Стори у Ярена, пока они шли на рынок. Их старшая сестра, Саммер, отчаянно хотела пойти, вероятно надеясь увидеть своего плотника, но Головастик заболела, и кто-то должен был выполнять ее прихоти. Отец сделал бы это сам, но сегодня охотился на зайцев и дикую индейку. Головастик не стала бы слушаться Стори, а рассеянность Ярена делала его ужасной сиделкой.

Его взгляд метнулся к двойняшке. Он даже не осознавал, что поет. Прошло несколько недель с тех пор, как он ходил на озеро и видел девушку, и ему потребовалась невероятная сила воли, чтобы не возвращаться туда. Когда он вылавливал птенца из озера, то еще скептически относился к яду. Но после нескольких секунд в воде крошечный трупик превратился в скелет, развеив любые сомнения. Но это не значит, что дело в *магии*. В природе было много ядовитого: ягоды, грибы, насекомые, растения... Так почему не озеро?

– Прости. Просто мелодия, которую никак не могу выбросить из головы.

Стори приложила руку ко лбу брата.

– Хм, лихорадки нет. Я подумала, что ты заболел, как сестра.

– Она даже не больна, – возразил Ярен, убирая ее руку. – Просто злится, что из-за возраста отец не пускает ее за покупками. Вот и решила наказать Саммер.

– Мне известны все ее приемы. А вот ты *никогда* не пел.

– Что я могу сказать, на меня действует свежий весенний воздух. – Он взглянул на Стори, проверяя, собирается ли она дальше его допрашивать.

Девушка пожала плечами:

– Ну в любом случае она красивая. Немного грустная, но красивая.

Они добрались до рынка. Он открывался в Бриклбери каждое воскресенье и служил местным жителям идеальным поводом собраться, поделиться историями и поторговать.

– Я его видел. Ростом с корову, это был он, – говорил седой старик, дико размахивая руками перед собирающейся толпой. – Должно быть, потомок гигантских волков, которые бродили по этим горам во времена наших дедов.

Пожилая женщина, продававшая вязаные пинетки, глубокомысленно кивнула:

– Я слышала эти истории. Между прочим, их не видели уже несколько десятилетий.

Стори бросила взгляд на Ярена, закатив глаза, и протиснулась сквозь толпу к небольшому стенду, где женщина продавала лекарства, некоторые действенные, а некоторые скорее убьют пациента, чем вылечат. Стори взяла маленькую зеленую бутылочку с надписью «Тоник от лихорадки» на этикетке.

– Какой состав? – спросила она продавщицу, наклоняя бутылек и изучая вязкость жидкости.

Пока женщина перечисляла ингредиенты, Ярен обвел взглядом рынок и тут же заметил Ларса. Молодой человек помахал рукой, его яркие волосы приветственно качнулись, прежде чем он вернулся к разговору с мясником. Тут была и Мегги, женщина с грозными бровями. Она посмотрела на Ярена, очевидно, все еще недовольная его словами о магии.

– Кого ищешь? – спросила Стори, протягивая продавщице монетку и засовывая в сумку коричневый бутылек без этикетки.

– А, никого конкретного, – ответил Ярен. Но тут же осознал, что искал девушку со светлыми волосами. Так глупо. Он знал, что эндланцы не покидают остров, волшебное озеро или нет.

Губы Стори изогнулись, словно она собиралась что-то сказать.

– Я надеялся купить мед, – добавил он. – Но не могу найти продавца.

Его маневр сработал. Мед продавала симпатичная молодая женщина, и на основании этого Стори сделала свои собственные выводы.

– Она приходит только раз в две недели, – сказала Стори, беря Ярена под руку.

– Как ты думаешь, почему местные жители так одержимы магией? – тихо спросил он, пока они шли по рынку. – Может, дело в разреженном горном воздухе? В лишнем свободном времени?

Она покачала головой.

– Не знаю. Но я чувствую нечто подобное, когда нахожусь в лесу. Он вовсе не похож на лес у нас дома.

Они переехали из города, расположенного более чем в двух неделях езды отсюда, когда Клаус, который знал маму Ярена еще девочкой, написал Степану, описывая изобильные леса, чистый воздух и приветливых жителей. До сих пор все это оказывалось правдой по большей части.

Они вернулись, а старик все еще рассказывал историю про волка, который теперь вырос до размеров дома. К этому моменту собралась целая толпа, и Стори подтащила Ярена поближе, чтобы послушать.

– Мой пес пошел за ним, – говорил старик. – Я продолжал его звать, но он не слушал.

– Ты уверен, что снова не напился, Том? – спросил мужчина помоложе. – Как правило, чем больше эля ты выпиваешь, тем более причудливыми становятся твои истории.

– В последний раз был тролль, – напомнил кто-то.

– А до этого феи!

Ярен обнаружил, что кивает в знак согласия. По крайней мере несколько человек в этой деревушке имели здравый смысл.

Но старик проигнорировал их насмешки и потянулся к карману. Он вытащил большой клык.

– Я вытащил это из тела моего бедного Альфи, когда волк оставил его. И не говорите, что вы видели нечто подобное, если только вы все сами не напились!

Ярен и Стори посмотрели друг на друга широко распахнутыми глазами и медленно попятись из толпы.

И когда уже шли по тропе домой, Стори повернулась к Ярену:

– Это было...

– Странно? Чудно? Пугающе?

Девушка многозначно кивнула.

– Именно. Начинаешь верить в магию, да? – спросила она, толкнув его в плечо.

Ярен усмехнулся:

– Едва ли. Но начинаю верить, что местные даже более чокнутые, чем я думал. – Он указал на сумку сестры. – Что ты купила для Головастика?

– О, обычный рыбий жир. Я собираюсь сказать ей, что это средство от лихорадки. Надеюсь, вкус у него настолько ужасный, что в ближайшее время у нее не возникнет соблазна снова притворяться больной.

Глава девятая

Время летит слишком быстро, думала Леэло, пока они с Сейдж шли через остров к их сегодняшнему месту патрулирования. Она продолжала спать в комнате Тейта после ночи фестиваля.

Некоторое время после весеннего праздника казалось, что Фионе стало лучше, но потом ее состояние ухудшилось. Чаще всего она едва могла подняться с кровати, и Леэло подозревала, что причина этого, по крайней мере частично, крылась в осознании того, что ее единственный сын скоро их покинет. Тейту удавалось сохранять спокойствие перед семьей, по ночам он плакал во сне.

Весна все же наступила, остров оделся в зелень, и с каждым днем из земли пробивалось все больше цветов. Сегодня вечером должна была состояться бойня, ритуальное убийство. Каждая семья принесет в жертву животное, чтобы поблагодарить Лес за изобилие и защиту от чужаков. После этого Лес полностью пробудится. Леэло ужасало подобное – запах крови, резкие агрессивные ноты смертельной песни. Но смысла сопротивляться не было – она знала, что ей придется пойти.

Сейдж толкнула Леэло локтем, когда они уселись на бревне, наблюдая за противоположным берегом.

– С ним все будет хорошо, ты же знаешь.

Леэло покрутила травинку между пальцев.

– Нет, я этого *не знаю*, Сейдж. И никогда не узнаю. – Она подумала об огне, который Тейт пообещал разводить для нее, но не имела понятия, удастся ли ему это. Он был еще слишком юн, и если чужаки были хотя бы наполовину так ужасны, как рассказывала Китти, то брату грозит серьезная опасность.

– Он умный парень, – сказала Сейдж. – Более изобретательный, чем ты думаешь.

– Ему даже нет двенадцати. Чем мы занимались в его возрасте? Играли с ягнятами и собирали грибы? С тем же успехом его можно бросить волкам.

Сейдж ответила не сразу.

– Ты права. Прости. Не знаю, как помочь тебе справиться с этим.

Леэло вытерла влажные щеки рукавом.

– Ты не можешь помочь. Никто не может.

– Тогда что я могу сделать?

Леэло посмотрела сестре в глаза, с облегчением обнаружив в них искреннее беспокойство.

– *Попытайся* понять, каково мне. А если не сможешь, просто будь рядом.

– Думаю, это мне по силам. – Сейдж обняла ее за плечи. – Ты вернешься в нашу комнату, когда он уйдет? Там одиноко.

Леэло кивнула.

– Да. Я просто... хочу провести с ним как можно больше времени, пока могу.

Девушки вздрогнули от всплеска на противоположной стороне озера. Они встали, вглядываясь в даль. На берегу стояла компания деревенских жителей, они бросали камни в воду и пели выдуманную песню высокими противными голосами. Это было необычно. Молодежь иногда подначивала друг друга прийти на берег, чтобы доказать, что у них достаточно храбрости встретиться с островитянами и они не боятся песен эндланцев.

Леэло снова подумала о сегодняшнем ритуале и пожелала, чтобы эти глупцы убрались подальше. Они даже не представляли, с чем имеют дело.

– Доложим о них? – спросила Леэло.

Несколько секунд Сейдж смотрела на компанию, а затем покачала головой:

– Нет. Наша смена кончилась, и они неопасны. – Она подняла лук и взяла Леэло под руку. – Идем. Маме понадобится помощь с ягнятами. Прошлой ночью родились двойняшки.

Леэло улыбнулась, когда они оставили чужаков наедине с их грубыми словами и ругательствами, радуясь, что ей есть о чем еще подумать.

– Тейт может прийти? Он любит ягнят.

– О, думаю, это безопасно. Главное, убедиться, что мама не видит.

Девушка взвизгнула от восторга, заставив Сейдж рассмеяться, и на мгновение Леэло почувствовала прилив надежды. Даже Фиона сегодня выглядела немного лучше. Когда они вернулись домой, она вязала, сидя у камина в кресле-качалке.

– Куда ты собралась, любовь моя? – улыбаясь, спросила она Леэло.

– Посмотреть на ягнят. Одна из овец принесла двойню прошлой ночью.

– Надеюсь, вы возьмете с собой Тейта. Он хандрит весь день напролет.

– Возьмем, – ответила Леэло, поцеловав маму в лоб, который был блаженно прохладным и сухим.

– Вам стоит заглянуть к Изоле, возможно, она тоже захочет пойти. Розалия говорит, она целыми днями не выходит из дома. Немного солнца пойдет Изоле на пользу.

Сейдж выглядела потрясенной.

– Нам нельзя с ней разговаривать. Мама сказала, совет запретил.

– Совету необязательно знать, – резко ответила Фиона, – А теперь идите. Я скажу Тейту, чтобы он встретил вас на пастбище.

Сейдж ныла всю дорогу до дома Изолы, пытаясь убедить Леэло передумать.

– У нас будут проблемы. И почему мы должны рисковать нашей репутацией ради нее? Она ужасно поступила, Леэло.

– Она ошиблась один раз, Сейдж. Как долго ей теперь страдать из-за этого?

– Я не говорю, что она должна быть наказана навечно. Я не понимаю, почему именно *мы* должны подставлять свои шеи ради нее.

– Тогда кто должен?

Сейдж закатила глаза.

– Ты говоришь как тетя Фиона.

– Мы просто пригласим ее. – Леэло постучала в дверь, в то время как Сейдж нетерпеливо постукивала ногой, пока они ждали Розалию. Женщина, впустившая их внутрь, выглядела изможденной.

– Хорошо, что вы пришли. Возможно, вам повезет больше, чем мне, – сказала она, закрывая за девушками дверь.

Изола сидела у окна, глядя на Лес с отсутствующим видом. Леэло не нужно было спрашивать, чтобы понять, что она думала о Питере.

– Мы идем посмотреть на ягнят, Изола, – ласково начала она. – И подумали, что ты, возможно, захочешь к нам присоединиться. Свежий воздух может помочь.

Изола отвела стеклянные глаза от окна и посмотрела вверх на Леэло.

– Сомневаюсь.

– Ну, тогда помогут ягнята. Невозможно не улыбнуться, глядя, как они резвятся в первый раз.

На долгий миг Леэло поверила, что Изола откажется. Но потом девушка встала и кивнула:

– Хорошо.

Пока они шли к пастбищу, где паслись овцы, Леэло вдыхала ароматы весны: изрытой червями почвы, молодой травы, нагретых солнцем камней и влажного мха. В тени земля была рыхлой от весенних дождей, но тропа оставалась сухой. На каждой поляне росли цветы: ландыши, нарциссы и гиацинты. Леэло сменила лосины и тунику Стража на одно из весенних

платьев, сшитых мамой. Чтобы отогнать затяжной холод, сегодня она надела свой любимый свитер – мягкий кардиган в яркую полоску.

На лугу было пять овцематок, кормящих ягнят, все с кремовой шерстью и шишковатыми коленями. Овца с двойняшками была самой послушной. Тейт был уже у забора, пытаясь соблазнить ее пучком травы. Она нетерпеливо пробиралась вперед, малыши спотыкались, пытаясь одновременно ходить и сосать молоко – навык, которым они еще не овладели.

– Она такая хорошая мама, – заметил Тейт, поглаживая овцу по мохнатой голове.

Сейдж оттолкнула его с дороги.

– Такова ее природа.

Тейт и Леэло переглянулись: они-то знали, что не все матери такие добрые и любящие и не каждой женщине материнство в радость так, как их маме. «*Может, у овец по-другому*», – подумала Леэло.

– Как их зовут? – спросила Изола, подняв голову и взглянув на малышей.

Сейдж закатила глаза.

– Зовут? Они не домашние питомцы, знаешь ли. Мы держим овец для разведения и шерсти, а баранов, скорее всего, рано или поздно съедим. Ты ведь не даешь имя своему ужину.

Леэло хмуро посмотрела на Сейдж. Изола заинтересовалась хоть чем-то, а сестра из всех старалась ее подавить.

– Думаю, мы должны назвать Флиси вон того, – предложил Тейт, указывая на новорожденного барана.

Леэло улыбнулась, увидев, что в глазах Изолы появился едва заметный блеск.

– А что насчет второго? – спросила Изола у Тейта.

Он подумал секунду.

– Виси.

– Это даже не имена, – фыркнула Сейдж.

Тейт не обратил на нее внимания и сорвал немного травы для мамы овцы.

– А тебя я назову Клевер.

Леэло казалось, что ее сердце выпрыгнет из груди от любви к маленькому брату, и тот прилив надежды, который она почувствовала ранее, исчез. Тейт был слишком хорошим для внешнего мира, слишком невинным. Ему придется уйти далеко. Достаточно далеко, где люди ничего не знают об Эндле и ее обитателях. А значит, что, скорее всего, он будет слишком далеко, чтобы вернуться зимой.

Дверь сарая распахнулась, с грохотом ударившись о стену, напугав ягнят. На пороге стояла Китти, ее лицо исказилось в хмурой гримасе.

Леэло попыталась спрятать Тейта за спиной и бросила беспокойный взгляд на Изолу. Но злость Китти была направлена на кого-то другого. Она пронеслась мимо них в сторону дома.

– В чем дело, мама? – спросила Сейдж, поспешив за ней.

– Одна из овец не кормит ягненка, – бросила та через плечо. – Придется нести бутылку.

– Я могу это сделать, – вызвался Тейт, но Китти бросила на него уничтожающий взгляд и исчезла в доме.

– Все хорошо, – подбодрила его Леэло. – Давай лучше посмотрим головастика в ручье.

– Ошибаешься, – хрипло сказал он, сбрасывая руку Леэло. – Она на самом деле меня ненавидит. И избавилась бы от меня лично, если бы могла.

В тот вечер Китти набросила веревку на шею овце и повела в Лес. Фиона настояла на том, чтобы побыть дома с Тейтом, несмотря на все возражения сестры. Леэло хотелось бы остаться с ними и уютно устроиться у огня, вместо того чтобы идти через Лес на бойню.

– Попытайся, по крайней мере, не выглядеть несчастной, – сказала Сейдж, пока островитяне собирались в сосновой роще. Леэло не возвращалась сюда после того жертвоприношения

для магии Тейта. Ей никогда не нравилось это место. А как иначе, когда оно хранило воспоминания стольких страданий? Каждая семья стояла у своего дерева с жертвой, пестрое сборище животных, начиная от цыплят и заканчивая мычащим теленком.

Когда они были детьми, Китти настояла, чтобы каждая из девочек сама принесла в жертву животное, чтобы в полной мере осознать свою ответственность как эндланцев. В итоге Леэло так и не смогла этого сделать, и Сейдж пришлось убить обоих зайцев.

Позже той ночью Леэло плакала в кровати, когда Сейдж спросила, в чем дело.

– Тетя Китти сказала, что я слишком мягкая для этого мира, что всегда найдется способ разбить мое сердце, – сквозь слезы ответила Леэло. – Думаешь, она права?

– Конечно нет, – убеждала Сейдж. – Просто мама не знает тебя так, как знаю я.

Но даже сейчас некая часть Леэло знала, что Китти была права. Один из членов совета начал убийственную песню, и один за другим глава каждой семьи провел ножом по горлу жертвы. Испуганное блеяние и мычание разорвали ночь, и Леэло подавила рвотный позыв, когда железный привкус крови наполнил воздух, скапливаясь у основания каждого дерева, прежде чем исчезнуть в почве. И снова ей показалось, что она слышит шелест ветра в самых высоких ветвях, словно образ человека, довольного своей едой, и содрогнулась, прежде чем взглянуть на Сейдж.

– Кого тетя Китти выбрала на этот раз? – спросила Леэло, наблюдая, как в бедном создании угасает жизнь.

Взгляд Сейдж был свирепым в свете ламп.

– Ту, которая не кормила малыша.

Леэло почувствовала, как желчь подступает к горлу.

– Почему?

– Она не заботится о собственном потомстве, – пояснила Сейдж. – Мне мало известно о материнстве, но даже я понимаю, как это неправильно.

Леэло сглотнула горечь во рту. Она не могла не думать о Фионе и Тейте. О том, как Китти осуждала отказавшуюся кормить овцу, но совершенно спокойно отсылала Тейта прочь, который и сам был невинный, словно ягненок.

Все животные уже умолкли, островитяне также хранили молчание. Когда они собирались уходить, Леэло бросила последний взгляд на овцу, ее мертвые глаза, казалось, смотрели прямо на нее. На краткий миг, почти как видение, Леэло увидела вместо животного свою собственную мать, лежащую там, на земле. Девушка не переставала дрожать всю дорогу домой.

Глава десятая

Ярен вытер рот, споткнувшись в лунном свете на тропе и гадая, не заболел ли он снова. Ему следовало прислушаться к Ларсу и Мэгги, той, что с бровями. Потому что даже если жители деревни ошибались насчет песен, заманивающих людей в озеро, – он убежал *прочь* от озера так быстро, как только могли нести ноги, – островитяне все равно были злыми. Теперь он знал наверняка.

Все из-за глупого спора, в котором юноша согласился участвовать, только чтобы снова вернуться сюда. Пока он мчался через лес, ноты той ужасной песни, почти такой же высокой и пронзительной, как крики умирающих животных, эхом раздавались в голове. Ярен не представлял, как такое возможно, чтобы те же люди с радостной музыкой, которую он слышал в прошлый раз на берегу, могли издавать такие режущие слух звуки. Ярен, конечно, не был новичком в забое животных. Он догадывался, что вопли стольких существ, умирающих одновременно, в сочетании с ужасной мелодией, превращали случившееся скорее во что-то жестокое и ритуальное, чем необходимое.

Дурацкий, глупый спор.

Он пошел в паб только потому, что Головастик умоляла отвести ее туда. Она отомстила Стори за трюк с рыбьим жиром, отрезав той прядь волос во сне, в результате чего отец сурово наказал ее (хотя, возможно, не так сурово, как следовало, – отец просто не мог злиться на детей после смерти жены). Стори, которая пыталась скрыть немаленькую лысину на затылке с помощью креативной прически и шляпок, поклялась поквитаться достаточно скоро.

В итоге Стори либо забыла о предательстве, либо тянула время. Младшая сестра же каждый раз с грустью смотрела в окно, когда старшие уходили в паб. В этот раз, после часа отчаянной мольбы, Ярен сдался и взял ее с собой.

Саммер и Стори отправились на танцы в соседнюю деревню, а отец пошел к Клаусу, тому самому другу, который пригласил их в Бриклбери. Головастик, у которой голова кружилась от радости, что она все же вырвалась из заточения, крепко держала Ярена за руку по дороге в деревню. Он знал, что в пабе она не будет самой юной. Но также знал о ее неумной энергии и здравом смысле бурундука. Придется не сводить с нее глаз всю ночь.

Конечно, Головастик быстро положила глаз на мальчика постарше, известного задиры. Ярен пил свою пинту, поглядывая то на сестру, то на Ларса, который утверждал, что тоже видел огромного волка.

– Ты своими глазами его видел? – переспросил Ярен, не зная, удивляться ему или волноваться.

– Ну, я видел не совсем волка, а его следы. Но они были гигантскими. Размером с копыта моей плужной лошади.

– Может, это не волк, – предположил Ярен. – А некий вид медведя.

– Я знаю следы медведя. Это были *не* они. – Ларс покачал головой.

Прежде чем Ярен успел ответить, он услышал писк и, обернувшись, увидел хулигана Мерритта, пытающегося притянуть Головастика к себе для поцелуя. Ярен поставил свою пинту и, не обращая внимания на расплескавшийся эль, двинулся сквозь толпу. Ему не следовало оставлять ее без присмотра, но он обнаружил, что истории Ларса, так называемый волк и ядовитое озеро каким-то необъяснимым образом притягивали его.

– Убери руки от моей сестры, – крикнул он. Головастик ударила Мерритта коленом в пах. По ее лицу катились слезы. Ярен обнял сестру. – О чем ты думал? Ей же пятнадцать!

Мерритту наконец удалось выпрямиться в полный рост, который превосходил Ярена на добрые пятнадцать сантиметров.

– Она заигрывала со мной.

– Ей пятнадцать! – повторил Ярен, потому что больших объяснений не требовалось.

– Ей нечего здесь делать, – огрызнулся Мерритт.

Головастик смахнула слезы и вышла из-под руки брата.

– Я имею полное право находиться здесь. Может, это тебе стоит уйти, раз ты не справляешься со своей выпивкой!

Несколько человек захихикали, и без того румяное лицо Мерритта приобрело лиловый оттенок.

– Убирайтесь! Сейчас же, пока я не поколотил вас обоих.

Ярен знал свои возможности и ни за что не стал бы драться с Мерриттом.

– Идем, – сказала он сестре. – Вернемся домой.

Она начала возражать, но он крепко схватил ее за руку и потащил сквозь расступившуюся толпу. Они были уже почти у двери, когда она обернулась.

– Мой брат мог бы размазать тебя со связанными руками! – выкрикнула сестра через плечо.

Мерритт ухмыльнулся так, что у Ярена внутри все сжалось.

– Правда?

– Эм, нет, – сказал Ярен, не собираясь ставить гордость выше жизни. – Ты же знаешь младших сестер, – продолжил он, выдавив смешок. – Думают, что их старшие братья способны на все.

– Ярен, – заныла Головастик, смущенная его трусостью. – Все ведь смотрят.

Ярена действительно не заботило мнение местных жителей, но, видя разочарование на лице младшей сестренки, ему и самому стало за себя стыдно. Вздохнув, он поднял кулаки. Ухмылка Мерритта стала шире.

И как раз в тот момент, когда Ярен подумал, что краснолицый болван с большими кулаками вот-вот забьет его до смерти, Мэгги шагнула вперед и что-то прошептала Мерритту на ухо.

Мерритт мрачно рассмеялся и кивнул.

– Мегги подала мне идею. Лично я предпочел бы как следует надрать тебе задницу, но, судя по тебе, драка будет недолгой.

Ярен громко сглотнул.

– Вот что я тебе скажу, – продолжал Мерритт. – Я дам тебе выбор.

– А раз ты не веришь в магию, – усмехнулась Мегги, – он будет нетрудным.

Мерритт заговорил громче, так чтобы все в пабе могли его слышать.

– Сходи на озеро Лума и принеси оттуда пузырек с водой.

Толпа ахнула в унисон. При других обстоятельствах это могло бы показаться комичным.

– Сегодня ночью. Один, – добавила Мегги, и Ярен понял, что нажил себе врага на всю жизнь.

– Или останься и бейся со мной, – закончил Мерритт. – Тебе выбирать.

В тот момент казалось, что Ярен легко отделался. Дома самым худшим испытанием было спрыгнуть с хребта Мертвеца в реку, которая за эти годы не раз подтверждала свое прозвище. Ларс заверил Ярена, что стеклянный флакон, содержащий всего пятьдесят миллилитров озерной воды, можно переносить. По крайней мере, он так думал. В теории. Ярен решил, что стоит попробовать хотя бы для того, чтобы выиграть немного времени перед встречей с Мерриттом.

Теперь тот самый флакон, наполненный озерной водой, лежал в кармане. Юноша прижал к нему руку, боясь упасть, ведь тогда ядовитая вода прольется *ему* в штаны.

Дурацкий, дурацкий спор! Ярен бежал прочь от проклятого озера так быстро, как только мог.

Глава одиннадцатая

Пять дней. Пять коротких дней до того, как Тейт сядет в лодку, на которой инканту отсылают прочь до их двенадцатого дня рождения. Пять драгоценных дней, и больше Леэло никогда не увидит брата.

Леэло держала ветку, пока они с Тейтом пробирались через заросли. Они тренировали его охотничьи навыки по старинке, поскольку он не сможет приманивать животных песней, как делали это эндланцы.

Разумеется, инканту могли петь. Они не были безголосыми в прямом смысле. Но их песни не несли магию, и из-за стыда от своей неполноценности большинство детей инканту даже не пытались петь перед другими.

Тейт держал маленький деревянный лук и стрелу, сделанные им зимой, и пока он тихо преследовал зайчонка, Леэло пыталась убедить себя, что с ним все будет хорошо. Заяц, похоже, почувствовал присутствие Тейта, но продолжал жевать траву на небольшой полянке. По крайней мере, Тейт знал, как охотиться. И не будет голодать.

Вчера они с Сейдж тоже охотились после смены Стражей. Существовали очень жесткие правила, скольких животных эндланцы могли взять себе и скольких должны отдать острову. И хотя Лес мог сам прекрасно позаботиться о своем пропитании, Леэло видела, он был очень доволен, позволяя людям помочь. В конце концов, если бы Лес стал слишком жадным, животные могли перебраться зимой по льду на материк. Равновесие на Эндле поддерживалось тщательно.

Сейдж расставила ловушку, а Леэло спела. Все островитяне обладали красивыми головами, но у Леэло был особенно широкий вокальный диапазон и уникальный тембр. Кроме того, она предпочитала пение убийству. Девушке легко было спеть, даже если после последней песни прошло всего несколько дней.

Они были отличной командой – поймали двух белок и жирного зайца. Белки достались Лесу, так как они не были мясистыми, а из шкурки зайца Фиона могла сшить одежду. Сейдж вызвалась отнести беличьи тушки обратно в сосновую рощу, давая Леэло возможность закончить свои домашние обязанности и провести вторую половину дня с братом. Может, Сейдж и не могла понять, что приходилось переживать сестре, но она, по крайней мере, пыталась.

В течение нескольких минут Тейт сидел с натянутым луком, пока наконец не выпустил стрелу. Он попал в задние лапы зайца, обездвижив его. Тейт быстро перерезал заячье горло, позволяя крови стекать на землю, бормоча благодарственную молитву острову.

– Молодец, – похвалила Леэло, стараясь не смотреть на зайца. Одним из преимуществ охоты с Сейдж было то, что та всегда брала на себя грязную работу, зная, как смерть ранит Леэло. Но ей придется как-то преодолеть свою брезгливость. Девушка усвоила урок тети Китти – выживание было кровавым делом.

Тейт улыбнулся через плечо и вытер лезвие о траву.

– Знаю, ты за меня волнуешься, – сказал он. – Но я правда справлюсь.

В его голосе была уверенность, которой Леэло никогда прежде не слышала и была благодарна, что ему удастся так храбро держаться.

– Я волнуюсь не за тебя, – сказала она, глядя в сторону деревни на той стороне озера. – Я беспокоюсь о них.

– Это я и имею в виду. Мама кое-что мне сказала... Я не должен тебе рассказывать. Но это что-то хорошее. То, что поможет мне справиться. Поэтому тебе не стоит волноваться.

– Что это? – Насколько Леэло знала, мама никогда ничего от нее не скрывала. Уж точно не в паре с Тейтом. Он совершенно не умел хранить секреты, вспомнить хотя бы тот раз, когда он подслушал, как Леэло призналась Сейдж, что влюблена в парня. Тейт сразу же всем рассказал.

Конечно, это было много лет назад. Девушка снова посмотрела на брата, поражаясь, как сильно он вырос.

Тейт сжал губы и замотал головой.

– Мм. Я молчу.

Если мама рассказала Тейту секрет, особенно такой, который поможет ему выжить, она не будет его выпытывать. Она только надеялась, что это не ложь, которую Фиона придумала, чтобы подбодрить сына. Он заслуживал выйти в мир с широко открытыми глазами. Она слишком хорошо помнила жителей деревни с их насмешками и камнями.

А потом она вспомнила юношу, который похоронил птенца. Больше она его не видела, и никто из Стражей не докладывал о чужаках. Она гадала, что привело его туда в тот день и что он подумал об эндланцах. Он помахал в ответ, хотя с той же легкостью мог бросать камни. Возможно, Тейт найдет человека, похожего на *него*. Даже Сейдж сказала, что некоторые чужаки лучше других.

Еще двое инканту уплывут с Тейтом через пять дней. Мальчик и девочка. *Ну почему Тейт должен быть одним из них? Почему это не происходит с другой семьей?* В глубине души Леэло понимала, что те семьи так же тяжело переживали бы горе и что ее желание эгоистично.

Пока Тейт сдирал с зайца шкуру, Леэло помогала маме отбирать шерсть для вязания. Фиона вязала Тейту еще один свитер – их уже накопилось много, но это был ее способ выразить свои чувства. Китти достала из духовки ароматный пирог.

– По какому случаю? – спросила Леэло, вдыхая запах масляной корочки и печеного мяса.

– Сейдж тебе не сказала? Мы идем к Хардингам на ужин.

Леэло бросила взгляд на сестру. Холлис Хардинг был тем самым мальчиком, в которого она когда-то влюбилась. Он нравился ей несколько месяцев, пока однажды он не высмеял Тейта за то, что у него нет магии. После этого она считала его врагом и ненавидела, когда их смены пересекались.

– Зачем? – спросила она.

– Потому что их дочь тоже уходит. – Китти отогнала Сейдж от пирога. – А теперь умойтесь. Мы должны быть там через час.

Сейдж начала подниматься наверх, Леэло пошла следом.

– Почему ты не сказала, что мы собираемся к Хардингам? – спросила она, когда девушки вошли в спальню.

– Забыла. Да и какая разница? Хоть какое-то занятие.

Леэло не могла игнорировать язвительность в голосе Сейдж.

– Занятие? Тейт скоро уйдет. У меня есть более важные занятия. – Она сняла тунику и лосины, схватив первую попавшуюся одежду из шкафа – черную юбку, расшитую красными цветами, и белую блузу. – Не знала, что сестра Холлиса инканту.

И почему он насмеялся над Тейтом, если его собственная сестра не обладала магией? Разве что именно *поэтому*. Иногда печаль заставляла людей набрасываться на себе подобных, тех, кто смог бы понять их боль лучше остальных.

К удивлению Леэло, мама тоже оделась и ждала внизу. Она была бледна из-за необходимости стоять, но все же была тут, очевидно стараясь ради Тейта.

Леэло взяла маму под руку, и все они, включая Тейта, вышли из дома. Леэло решила, что будет радоваться отведенному времени и не думать о будущем. Китти доверила Тейту нести пирог – щедрый жест с ее стороны, обычно она никогда не доверяла свою выпечку другим.

Сейдж, одетая в платье с фестиваля, сшитое мамой Леэло, шла по другую сторону от Фионы, поддерживая ее. Это было немного чересчур для ужина с соседями, но в нем она действительно выглядела очень хорошенькой.

– Ох! – воскликнула Леэло, наконец осознав.

– В чем дело? – спросила Фиона с озорной улыбкой. – Тебя кто-то укусил?

– Все в порядке, – ответила она, подыскивая объяснение. – Просто вспомнила, что хочу кое-что упаковать для Тейта.

Она снова посмотрела на сестру, которая приглаживала волосы свободной рукой. Возможно ли, что по этой причине Сейдж и говорила, что не хочет влюбиться? Есть ли у нее чувства к Холлису Хардингу? Выражение лица сестры оставалось, как обычно, серьезным, но Леэло не помнила, чтобы она когда-либо наряжалась для ужина с соседями.

Дом Хардингов располагался в другой части острова, примерно в часе ходьбы от их дома. Некоторые семьи держали деревянные повозки и пони, чтобы добираться с одного конца острова на другой и не тратить на дорогу два часа. Как бы сильно Леэло ни любила ходить пешком, она надеялась, что мистер Хардинг предложит подвезти их домой. Фиона прилагала усилия, чтобы казаться спокойной, но это было всего лишь усилие. Ее дыхание было затрудненным, а лицо бледным, за исключением двух ярких кругов румянца на скулах. Тетя Китти шагала вперед своим обычным быстрым шагом, не обращая внимания на трудности сестры.

– Мы можем отдохнуть, мам, – предложила Леэло, но Фиона покачала головой, как и ожидалось.

– Я в порядке, милая. Думаю, это потому, что я провела в кровати слишком много времени. – Она выдавила улыбку, и Леэло улыбнулась в ответ, потому что знала, что мама хочет именно этого.

– Если бы ты больше пела, то не была бы так слаба, – бросила Китти через плечо. – Таковы последствия слишком частых пропусков ритуалов.

К счастью, они добрались до дома, не слишком опоздав. Прежде чем оставить взрослых и присоединиться к остальным детям во дворе, Леэло убедилась, что Фиона удобно устроилась.

У миссис Хардинг был настоящий талант к садоводству, и ее сад буйствовал яркими цветами, среди которых сновали пчелы. Она продавала цветы, некоторые сушила для чаев и настоек, другие срезала свежими просто потому, что они были красивыми. Сейдж и Холлис сидели на скамейке под аркой, увитой глициниями, в то время как Тейт и младшая сестра Холлиса, Вайолет, играли с выводком котят возле куста гортензии.

Леэло натянуто улыбнулась, подходя к Сейджу и Холлису. Она не знала, помнил ли он о ее влюбленности, но при виде него невольно вспомнила о своем унижении, когда Тейт раскрыл ее секрет. Излишне говорить, что Холлис не ответил взаимностью, обозвав ее бледной и тощей.

С тех пор он превратился в неуклюжего грубоватого парня с золотистыми кудрями, к которым Леэло когда-то так отчаянно хотелось прикоснуться, что находила любой предлог, чтобы быть рядом с ним. Однажды в его волосы упал лист, и она была в восторге от перспективы убрать его. Девушка усмехнулась про себя, с трудом веря, что вела себя так глупо из-за мальчишки.

– Что смешного? – спросила Сейдж. Она крепко вцепилась в юбку, и когда увидела, что Леэло смотрит на ее руки, отпустила ткань, пытаясь разгладить ее.

– Да так, – ответила Леэло, присаживаясь на траву. Был уже поздний вечер, и теплая земля дышала жизнью. – Как ты, Холлис?

Он пожал плечами:

– Нормально. Правда, устал от обязанностей Стража. Крис болтает без умолку.

– Сожалею о твоей сестре. – Леэло провела пальцами по траве, лишь смутно осознавая, что земля вибрирует под ее прикосновением. – Я не знала, что она уходит.

Сейдж впилась в Леэло взглядом, будто та сделала что-то плохое, упомянув Вайолет.

Холлис лишь снова пожал плечами:

– Все равно она словно заноза в заднице.

Леэло вздрогнула, но губы Сейдж изогнулись в усмешке.

– Понимаю, что ты имеешь в виду.

Злая и обиженная, Леэло встала и пошла к играющим Тейту и Вайолет. Котят, возрастом около трех месяцев, уже были готовы отлучаться от кошки. Тейт держал на руках коричнево-белого котенка с кисточками на ушах и розовым носиком.

– Эта моя любимица, – сказал он, протягивая кошечку Леэло, чтобы она тоже могла полюбоваться. – Хотелось бы мне взять ее.

Леэло погладила пушистый комочек и улыбнулась.

– Мне бы тоже хотелось. – Они немного поиграли с котятами, смеясь над их проделками, пока миссис Хардинг не позвала из дома.

– Время ужинать! – Леэло положила котенка обратно в корзину, но малышка быстро выбралась наружу и побежала за Тейтом к дому, где миссис Хардинг мягко отодвинула ее ногой от порога и закрыла дверь.

Мистер Хардинг был крупным мужчиной, и Холлис явно пошел в него. Он сидел во главе стола, а сын напротив. Леэло не могла не заметить, насколько отличалась жизнь, когда в доме были мужчины. Прошло десять лет с тех пор, как ее отец и отец Сейдж умерли, и она забыла, как много места могут занимать мужчины. Дома их стол был круглым, и все занимали равное положение.

Вайолет, невысокая брюнетка с двумя косичками, молча сидела с широко распахнутыми глазами, пока все передавали еду по кругу и ели. Леэло задавалась вопросом, как такая застенчивая девчушка справится в том мире. Тейту тоже будет непросто, но Вайолет была вдвое меньше его, и, насколько знала Леэло, ее не учили охотиться.

– Леэло?

Она подняла глаза и обнаружила, что все смотрят на нее.

– Простите, вы что-то сказали?

– Я просто спросила, как дела у Изолы? – повторила миссис Хардинг. – Твоя мама говорит, ты с ней видишься.

Леэло бросила взгляд на тетю Китти, которая нахмурилась, но Фиона ободряюще кивнула. Должно быть, она решила, что это безопасное место для обсуждения Изолы и ее семьи. Леэло была занята своими обязанностями Стража и пыталась проводить время с Тейтом, но взяла за правило гулять с Изолой по крайней мере час каждый день, просто чтобы убедиться, что она выходит на улицу.

– Она все еще грустит. Но мне кажется, ей становится немного лучше.

– И о чем только думала Розалия? – прошептала миссис Хардинг Фионе. – Позволить дочери вот так погубить семью?

– Не думаю, что Розалия знала, – ответила Фиона.

– В самом деле. Уж мы бы знали, будь наши дочери... – Она умолкла, встретившись взглядом с Леэло. – Ну, ты знаешь.

– А мне жаль родителей Питера, – сказал мистер Хардинг. Его голос был глубоким и раскатистым, напоминающим далекий гром. – Они даже не знали, что их сын вернулся на остров. Изола не сказала, где она его спрятала.

Эта новость привлекла внимание Леэло. Она и сама гадала, как Изоле удавалось скрывать Питера в собственном доме. Перед глазами вспыхнула картинка – мускулистый торс Питера, крики Изолы, – и Леэло судорожно сглотнула. Она взглянула на Сейдж, которая занималась тем, что наблюдала за Холлисом. Тот в свою очередь был слишком занят поеданием второго куска пирога, чтобы заметить это.

Сейдж оторвала от него взгляд и посмотрела на сестру.

– Они поставили свои чувства выше Эндлы, – сказала она ровным тоном. – И заслужили свои судьбы.

Миссис Хардинг неловко рассмеялась, Фиона нахмурилась, а тетя Китти, которая не приоткрыла ни к одному кусочку своего пирога, кивнула.

– Волк всегда у порога, – зловеще сказала она. – Вот зачем нужны Стражи.

Глава двенадцатая

Ярен с радостью забыл бы об Эндле, но пари есть пари, и он должен был доказать, что побывал на озере Лума, принеся пузырек воды. Ларс торжественно поместил розу во флакон, устроив настоящее шоу и явно придавая происходящему слишком большое значение.

На мгновение Ярен испугался, что ничего не произойдет и он будет унижен перед всей деревней, но спустя несколько секунд стебель сморщился и начал чернеть. По мере того как яд поднимался, нижняя часть стебля начала распадаться, и к тому времени, когда алые лепестки увяли и почернели, стебель уже исчез. Головка цветка упала на стол, где рассыпалась в пепел, разлетевшийся на ветру.

Даже Мерритт выглядел впечатленным, хотя и слегка разочарованным, что ему не удастся избить Ярена до полусмерти. В конце концов он ушел из паба, оставив Ярена с Ларсом, живого и невредимого.

– Не могу поверить, что ты ходил туда, – сказал Ларс, поглядывая на сосуд с водой, стоявший на столе. Кто-то должен был избавиться от него, но Ярен не собирался быть добровольцем. – Большинство из нас никогда не подходило к озеру Лума, а мы живем тут всю жизнь.

Ярен покраснел, смущенный тем, что его скептицизм чуть не стоил ему жизни.

– Не думаю, что до сих пор понимал, насколько там опасно. – Все еще было трудно поверить, что такое красивое, кристально чистое горное озеро может быть смертельным. Он представил, что могло бы произойти, если бы он попробовал пить из него в первый визит, и содрогнулся. Его семья, возможно, никогда бы его не нашла.

Ларс пододвинул к нему пинту эля.

– Ну, думаю, тебе больше не стоит бояться Мерритта. Теперь можешь хвастаться этим до конца жизни, мой друг.

– Я не хочу хвастаться. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. И больше не повторю ошибку, приведя сюда младшую сестру.

– Это верное решение.

Ярен осушил кружку и обратился к Ларсу:

– Знаю, ты сказал, что никогда не был у озера, но что тебе известно о жителях острова? Помимо глупостей о сиренах, разумеется.

– Почему ты так уверен, что это глупости?

Ярен никому не рассказал, что подслушал пение эндланцев, ведь тогда ему пришлось бы признаться, что он нарушил приказ отца. Но сейчас паб был полон людей, знающих, что он ходил к озеру ради чести сестры. Он мог рассказать о своем секрете.

– Когда я был там, то слышал странные звуки. На острове было с дюжину животных или даже больше, островитяне пели, пока убивали их. Это было ужасно.

– И ты не чувствовал сильного желания поплыть туда?

Ярен решительно покачал головой:

– Я хотел уйти оттуда и не возвращаться.

Ларс рассеянно пригладил волосы, как человек погладил бы собаку.

– Что ж, я бы сказал, что тебе повезло.

Несмотря на решимость не приближаться к озеру, Ярена до сих пор необъяснимо притягивали рассказы Ларса. Может, все дело в том, что он нуждался в объяснениях. Должно было быть хоть *что-то* связанное с реальностью, что придало бы всему этому смысл, если достаточно усердно все обдумать.

– Ты когда-нибудь встречал их? Я слышал, они изгоняют островитян без... – Он не хотел верить тому, что все еще считал суеверием, но ради разговора произнес это слово: – Магии.

Ларс кивнул.

– У нас в деревне есть такая. Хотя она не говорит об острове.

Ярен удивленно поднял брови.

– Кто-то в Бриклбери жил на Эндле? Кто?

– Молодая женщина, продающая мед. Она приплыла оттуда лет шесть назад. Одна из семей ее приняла, и она до сих пор живет с ними.

Несколько секунд Ярену казалось, что он ослышался. Не то чтобы он ожидал, что у эндланцев во лбу рог, но девушка с медом казалась такой... нормальной.

Ларс хихикнул, словно точно знал, о чем юноша думал.

– Понимаю. Трудно поверить, что кто-то вроде нее родился в таком ужасном месте. Но это правда.

– Почему она ничего не рассказывает?

– Думаю, воспоминания слишком болезненные, – размышлял Ларс. – Она оставила там семью.

Ярен кивнул, но про себя решил, что ей улыбнулась удача. Она выбралась, в отличие от девушки, которую он видел в день фестиваля. Он попытался представить ее, перерезающую горло животному, но не смог.

Позже на этой неделе в рыночный день Ярен не мог не подойти поближе к продавщице меда, чтобы лучше ее разглядеть. Стори выбирала ткань для новых платьев себе и сестрам, она будет занята еще несколько часов.

Бесцельно разглядывая баночки с медом, Ярен ждал, пока девушка закончит помогать покупателям. Наконец она обратилась к нему.

– Вам помочь? – задорно спросила она.

– Эм, я просто гадал, где вы берете мед? – вопрос был глупым. Ему было наплевать. И вряд ли это был хороший способ узнать больше об Эндле. Но он никогда не умел вести светскую беседу, а нужно было с чего-то начинать.

– Мои родители держат пчел на лугу недалеко отсюда, – ответила она, упаковывая баночку для покупателя. – О, а вот и они.

Мужчина и женщина отделились от толпы, неся полные корзины с едой.

– Мои родители, – представила их девушка. – Оскар и Марта Ребане.

– А кто же ты? – спросила женщина, смерив Ярена взглядом. Для своего возраста он был высоким и крепким, но что-то в ней заставило его чувствовать себя маленьким.

– Меня зовут Ярен Каск, – сказал он, протягивая руку.

– Не тот Ярен Каск, который ходил на озеро Лума и принес ядовитой воды? – спросила она, но в ее голосе была та же дразнящая нотка, что и в голосе дочери. – Теперь ты знаменитость в Бриклбери. Разве не так, Люпин?

Ярен чувствовал на себе взгляд девушки.

– Боюсь, это я, мадам, – ответил он.

Марта переглянулась с мужем и взяла баночку меда.

– Вот, возьми для твоей матери. Должно быть, ей нелегко приглядывать за тобой.

Ярен удивился такой щедрости от незнакомцев. Вероятно, потому, что провел большую часть жизни в городе.

– Моя мать умерла. Но уверен, отец и сестры будут вам признательны. Спасибо.

– О, очень жаль слышать это, да, Оскар? – Она толкнула мужа локтем, и тот кивнул.

– Разумеется. Очень жаль. Что привело вас в Бриклбери?

Ярен рассказал о приглашении Клауса переехать сюда после смерти мамы, украдкой поглядывая на Люпин, которая вернулась к продаже меда. Он гадал, поняла ли она, что он пришел поговорить с ней и стыдился своего любопытства. Кем бы она ни была прежде, было ясно, что теперь Оскар и Марта ее родители, а остров остался в прошлом, на котором она не хотела заикливаться.

Когда Оскар и Марта вернулись к покупателям, Ярен снова поблагодарил их и направился на поиски сестры. В следующий миг он почувствовал на плече чью-то руку. За спиной стояла Люпин.

– Ты правда ходил на озеро Лума? – спросила она, пристально изучая его лицо своими зелеными глазами.

Он кивнул.

– Это был глупый спор, я защищал сестру. – Он решил не скрывать подробности. – Я не хотел ничего доказать.

– Полагаю, ты слышал, что я с Эндлы?

Смысла врать не было.

– Ларс сказал мне.

Она задумчиво поджала губы и кивнула:

– Что ж. Видимо, у тебя есть вопросы. Идем.

Глава тринадцатая

Наступил день отъезда Тейта, и Леэло не знала, как его пережить. Фиона не вставала с кровати после ужина у Хардингов, Китти с Сейдж взяли на себя все домашние обязанности, Леэло заботилась о матери и брате.

Лодка отплывала на закате, это казалось глупой жестокостью. Тейту и остальным придется выбираться из Леса в темноте.

– Оставайся с Вайолет и Бижаном как можно дольше, – наставляла Леэло, завязывая его узелок. У него было мало вещей, которые он мог взять с собой, помимо одежды и лука со стрелами. Леэло упаковала ему достаточно еды, которой хватит на неделю, если он будет экономить. – Вайолет будет в ужасе, Бижан тоже, скорее всего, тоже.

Тейт кивнул:

– Хорошо.

Леэло подумывала снова спросить его о словах мамы. Если она так уверена, что с ним все будет хорошо, то почему не может встать с кровати? Но в итоге девушка решила не спрашивать. Если мама захочет, чтобы она знала, – расскажет сама.

– Прости, Тейт, – сказала Леэло, едва сдерживая слезы.

– Почему ты извиняешься? – спросил он. – Это не твоя вина.

– Я... – Леэло вздохнула. – Я пыталась пробудить твою магию. Даже принесла кровавую жертву.

Он поднял темные глаза и вопросительно посмотрел на нее:

– Правда?

Она вытерла слезы и кивнула:

– Да.

– Это бесполезно, Ло, ты же знаешь. Остров не дает нам магию. Мы либо рождаемся с ней, либо нет.

– Знаю. Конечно, я знаю. Я просто надеялась...

Он понимающе кивнул:

– Знаю. Я тоже надеялся.

Она не сказала ему, как сильно беспокоилась за маму. Тейт никак не мог ей помочь, и сейчас забот у него более чем достаточно. Возможно, это станет своего рода печальным облегчением, когда он уйдет, и Фионе постепенно станет лучше. Исчезнет этот постоянный страх ожидания, витающий над ними, смешанный с призрачными надеждами на то, что магия Тейта проявится. По какой-то причине он не был рожден с магией, им пришлось с этим смириться. Двигаться дальше было единственным способом обрести покой.

– Ненавижу обязанности Стража, – сказала Леэло, вставая с кровати Тейта. – Но у меня будет достаточно времени, чтобы вернуться и попрощаться. Посиди с мамой до моего возвращения.

– Обязательно. Ло?

Она остановилась на пороге его маленькой комнаты, которая скоро снова станет чуланом для метел.

– Да?

– Пообещай, что будешь счастлива после моего ухода. Я должен знать, что ты будешь счастлива.

Она кивнула, надеясь, что он не увидел текущих по ее щекам слез, и направилась к выходу.

Впервые за все время Сейдж и Леэло поручили патрулировать отдаленную часть острова, и Леэло злилась, ведь Тейт будет отплывать с другой стороны Эндлы. Обратный путь займет два часа, и у нее не будет времени помыться и переодеться.

Сейдж, чувствуя, что Леэло вот-вот сорвется, молчала первую половину пути. И только когда они углубились в Лес, она наконец заговорила:

– Ты когда-нибудь думала, как вел бы себя твой отец, будь он все еще жив?

Вопрос был настолько неожиданным, что Леэло остановилась.

– Что?

Сейдж оглядела Лес, и только тогда Леэло поняла, где они. На этом месте произошел несчастный случай и погибли Хьюго и Келлан.

Леэло не знала всех деталей случившегося. Ей было всего семь, когда отец умер, и мама не любила говорить об этом. Она лишь знала, что каким-то образом дядя Хьюго случайно выстрелил в Келлана, отца Леэло. И когда Хьюго бросился на помощь другу, то попал в собственную ловушку, которая перерезала ему артерию. Оба мужчины истекли кровью до того, как их нашли.

– Думаю, отец был бы опустошен уходом Тейта, если ты об этом, – холодно ответила Леэло. – Он любил нас обоих.

Сейдж сжала губы, и Леэло почувствовала, как внутри закипает гнев.

– Так и было бы. Отец не вел себя предвзято, в отличие от некоторых.

Они обе продолжили идти.

– Ты имеешь в виду меня и маму? – спросила она.

– Я думала о Холлисе, но да, вы тоже.

– Ты даже не представляешь, о чем говоришь, – пробормотала Сейдж.

– Тогда расскажи мне!

Сейдж повернулась к сестре, ее желто-зеленые глаза горели с такой силой, что Леэло испугалась.

– Ты не знаешь, чем моя мать пожертвовала ради тебя и тети Фионы. Просто вспомни об этом в следующий раз, когда захочешь назвать нас предвзятыми.

Леэло что-то забормотала, не в силах вымолвить ни слова, но Сейдж уже скрылась в кустах, а девушка слишком устала, чтобы бежать следом и неискренне извиняться. Не важно, что, по мнению Сейдж, сделала Китти, это не оправдывало их обращения с Тейтом.

Леэло шла дальше по тропе, скворец слева от нее затянул короткую песню. Мелкие птицы не были редкостью на Эндле, обычно им удавалось сбежать из Леса, который предпочитал более крупную добычу. Но птицы никогда не гнездились здесь. Не присутствие птицы поразило Леэло, а сама песня – молитва, которую она спела в ту ночь, когда предложила острову кровь за магию Тейта. Голос был зловеще похож на ее собственный.

Если кто-нибудь узнает, что она в одиночку совершила кровавое жертвоприношение до весеннего фестиваля, ее строго накажут. Эндланцам запрещалось самостоятельно петь до окончания их года в качестве Стражей. Птица крикнула снова, и Леэло огляделась, задаваясь вопросом, слышала ли Сейдж. Ее сердце бешено колотилось.

Она знала, что должна догнать сестру. Скорее всего, они уже опоздали на смену, но Леэло не могла рисковать и позволить птице летать по всему острову, распевая ее голосом. Девушка сошла с тропы, вздрагивая при звуках песни. Леэло подумала о том, чтобы спеть другую песню, возможно птица подхватит ее. Но каждая песня имела последствия, и в конечном итоге она нажила бы еще больше проблем.

Скворец порхал с дерева на дерево, весело щебеча, и у Леэло сложилось отчетливое впечатление, что он насмехается над ней.

– Черт тебя дери, – крикнула она, грозя кулаком, когда скворец исчез на другом дереве. – Надейся, что я тебя не поймаю!

Она сняла лук с плеча, зная, что шансы попасть в птицу, сидящую на дереве, равны нулю. Возможно, удастся по крайней мере отпугнуть его.

Леэло не знала, где она сейчас находится. Остров был не очень большой, и она смогла бы сориентироваться достаточно быстро. Сейдж, вероятно, задавалась вопросом, что с ней случилось. Пропускать дежурство было так же плохо, как петь без разрешения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.